

ОЧЕРКИ
И
РАЗСКАЗЫ.

Н. Кушнерова.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
у книгопродавца Н. Г. Овсянникова.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ
Санктпетербургъ. 1 Сентября 1859 г.**

Ценсоръ П. Новосильскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

НА ЧУЖОЙ КАРАВАЙ РТА НЕ РАЗЪВАЙ.

Поведу рѣчь не пробылыя времена, не про-
старые годы когда люди ловились на удочку,
какъ караси, или пискари какія и шли на вся-
каго червяка; а червячки тѣ были большіе, да
жирныя. Нѣтъ, поведу рѣчь про наше время

и поразскажу вамъ правду, каторая «хуже всякой лжи».

Въ одной, не очень отдаленной изъ губерній обширнаго Русскаго царства, изъ числа тринадцати уѣздовъ, есть одинъ, называемый тимшинскій. Уѣздъ этотъ въ статистическомъ отношеніи отличается отъ прочихъ своихъ собратьевъ тѣмъ, что въ немъ ежегодно бываетъ три большихъ ярмарки и считается до семнадцати фабрикъ; а въ административномъ—что исправники его, избираемые благороднымъ дворянствомъ, оказываются всегда неспособными къ отправленію столь многосложной должности, и потому, на мѣсто ихъ, неспособныхъ, по заведенному порядку, изстари назначаются исправники отъ короны, которые большею частью находятся въ родствѣ или свойствѣ съ ближними къ губернатору. Болѣе уѣздъ этотъ ни чѣмъ не замѣчательенъ; въ немъ даже нѣтъ ни одного помѣщика, каторый бы былъ членомъ московскаго дворянскаго клуба, или общества улучшенія породъ рогатаго скота. Помѣщики его большею частью люди аккуратные, протягиваютъ ножки по одежкѣ, и управляютъ хозяйствомъ сами, безъ участія людей постороннихъ; а потому и покидаютъ теплыя гнѣзда свои, обшитыя тесомъ

и крытыя гонтомъ, только въ случаяхъ самыхъ экстренныхъ, такъ на примѣръ: во время выборовъ, рекрутскихъ наборовъ и дня ангела начальника губерніи. Такъ-какъ господа эти не принадлежать ни къ одному агрономическому обществу, то хозяйство всѣхъ ихъ чрезвычайно однообразно. Земля каждаго владѣльца дѣлилась во первыхъ,—на три поля, на которыхъ кромѣ овса, ржи и гречи (последней только для своего обихода) ничего не сѣется; а во вторыхъ,—на усадебную, огородную и луговую, лѣсныхъ дачъ въ тимшинскомъ уѣздѣ почти совсѣмъ нѣтъ. Крестьянамъ полагается выходить на работу пополамъ, т. е. половина на господскую и половина на свою; наконецъ, каждый изъ помещиковъ имѣетъ старосту, называемаго бурмистромъ и ведетъ дѣятельную переписку съ опекунскимъ совѣтомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ нихъ вадумалъ-было нанять управляющаго и завести хозяйство четырехпольное, чтобъ сѣять кормовыя травы, о чемъ проговорился и сосѣдямъ, да послѣ и самъ тому не былъ радъ; всѣ сосѣди возстали на него:— «какой ты послѣ этаго дворянинъ, говорили они ему,—когда хочешь довѣрить хозяйство наемнику и обременять крестьянъ своихъ посѣ-

вомъ травы, которую Господь даетъ намъ безъ всякихъ хлопотъ», и, возненавидѣвъ его, прекратили съ нимъ всякое сношеніе; а чтобы окончательно наказать за неумѣстную въ томъ краю выходку, — передъ выборами уговорили помѣщика того балотироваться въ предводители — и прокатили на вороныхъ. Послѣ такого казуса забалотированный рѣшился покинуть коварныхъ избирателей и совсѣмъ своимъ семействомъ переѣхалъ на жительство въ другую губернію.

Образъ жизни тимшинскихъ помѣщиковъ былъ также однообразенъ, какъ и ихъ хозяйство: они кушали и отдыхали, потомъ ходили по хозяйству, бранились, и опять отдыхали или кушали. Замѣчательно, что нигдѣ не найдете вы такихъ вкусныхъ кулебякъ и наливокъ, какъ въ тимшинскомъ уѣздѣ. Славный уѣздъ! рѣдкій уѣздъ!

Между помѣщиками тимшинскаго уѣзда живетъ и Павелъ Павлычъ Мурашкинъ, владѣтель двадцати восьми ревизскихъ душъ; но живетъ онъ теперь не такъ мирно и безмятежно, какъ жилъ прошлаго года, когда я познакомился съ нимъ: во многомъ, очень во многомъ измѣнился молодой помѣщикъ. Отъ роду не болѣе 23

лѣтъ, а, посмотрите, какія глубокія морщины избороздили лице Мурашкина; мало того, темно-русые волосы начинаютъ походить на дорогой боберъ, глаза впали и прямой станъ Павла Павлыча сдѣлался сутуловатымъ, а рѣчь перерывиста, и какъ-то не связна. Между-тѣмъ, какъ годъ, только одинъ годъ тому назадъ, Мурашкинъ ходилъ прямо, говорилъ бойко, и слымъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ въ трехъ уѣздахъ своей губерніи.

Отчего же произошла такая внезапная перемѣна съ молодымъ помѣщикомъ?—Одни утверждаютъ, что—вслѣдствіе жечитьбы его на московской барышнѣ; другіе, будто бы дѣла его внезапно разстроились до такой степени, что скоро все его имѣніе пойдетъ подъ молотокъ; наконецъ, третіе, что онъ запилъ горько..... Но послѣднее не справедливо; за это я отвѣчаю; Мурашкинъ, кромѣ квасу и изрѣдка клюквеннаго морса съ водой—ничего не пьетъ.

Долго, подстрекаемый нестолько любопытствомъ, сколько участіемъ къ судьбѣ Павла Павлыча, я искалъ случая узнать его исторію и, наконецъ, таки добился истины. Вся бѣда его въ томъ, что былъ человѣкъ съ искрой. Такъ выражался объ немъ тимшинскій судья, подъ

начальствомъ котораго Мурашкинъ имѣлъ честь дослужиться до чина коллежскаго регистратора. Прозвище — человекъ съ искрой—судья давалъ, обыкновенно, людямъ предприимчивымъ, и не безъ причины досталось оно на долю Павла Павлыча. Еще канцелярскимъ служителемъ, перваго разряда, онъ купилъ у городничаго сѣраго мерина, лѣтъ осмнадцати, совѣмъ слѣпаго, за семь рублей серебромъ. Весь городъ помиралъ со смѣху, когда узналъ объ этой покупкѣ, и многіе даже острили на его счетъ, говоря: «конь-то со вѣмъ даромъ пришолъ; а даровому коню въ зубы не смотрятъ.» Причемъ совѣтовали ему сдѣлать коню на глаза кожаные кружечки, чтобы онъ не пугался.—Ладно, отвѣчалъ Павелъ Павлычъ,—смѣйтесь! да недѣли черезъ двѣ и продалъ его какой-то прїѣзжей барынѣ за пятнадцать рублей. Она, изволите видѣть, подбирала себѣ пару не очень молодыхъ... Потомъ, вскорѣ, купецъ Мушкинъ хотѣлъ выбросить изъ своего лабаза кулей десять испорченной муки, т. е. можно сказать, никуда негодной; — Павелъ Павлычъ и ту купилъ по рублю за куль, да тутъ же и перепродалъ жиду Янкѣ по 1 руб. 20 коп.—опять барышъ. Такимъ-образомъ удачно оконченныя два пред-

пріятія польстили самолюбію Павла Павлыча и онъ не на шутку пристрастился къ мысли; какимъ-бы образомъ сдѣлаться человекомъ коммерческимъ и быть, такъ сказать, прирастителемъ своихъ собственныхъ капиталовъ, тѣмъ-болѣе, что 28 душъ, которыя родители Мурашкина распорядились оставить ему заложенными, и мизерное жалованье уѣзднаго суда — не могли доставить Павлу Павлычу тѣхъ средствъ, которыми онъ постоянно мечталъ пользоваться. Но въ дѣлахъ подобнаго рода не достаточно одного желанія; тутъ нужны и средства и случай, и потому весьма легко могло быть, что за недостаткомъ того и другаго всѣ предпріятія Павла Павлыча ограничились-бы двумя приведенными выше спекуляціями, если бы у него не было въ томъ же уѣздѣ тетушки Агафоклеи Петровны, старушки лѣтъосьмидесяти; впрочемъ, еще въ полной памяти и добромъ здоровьѣ, которую онъ иначе не называлъ, какъ благотельницей и навѣщалъ ее частенько. Провѣдавъ объ дѣлишкахъ Павла Павлыча, она какъ-то и говоритъ ему: ну, что батюшка, чѣмъ теперь промышляешь?—Да покуда, тетушка, еще ни чѣмъ, отвѣчаетъ Павелъ Павлычъ; недавно славныхъ два дѣльца обдѣлалъ чай слышали?—

Слышала, отецъ родной, слышала! доброе дѣло! небогачу чловѣку такъ и надо; ни чѣмъ не пренебрегай, и гривны на полу не подынешь, а торгъ—дѣло честное, никто не неволить, что видишь то и купишь; жаль только, прибавила она, вздохнувъ, что малый-то ты такой умный, а пропадаешь здѣсь ни за что!—Какъ ни за что? спросилъ Павелъ Павлычъ.—Да такъ, продолжала благодѣтельница: ну, самъ посуди, какія-такія здѣсь могутъ быть дѣла! слѣую лошадь продашь, да никуда негодящую муку купишь-вотъ и все; не то что у насъ въ бѣлокаменной; тамъ, прямо скажу: такой чловѣкъ, какъ ты-что ни шагнулъ-бы то рубль въ карманъ и клади.—А вѣль и правда, подумалъ, Павелъ Павлычъ; тетушка — чловѣкъ бывалый, родилась и выросла въ Москвѣ, да и мнѣ худаго не пожелаетъ.—Право такъ, продолжала Агафоклея Петровна, какъ-бы отвѣчая на мысли племянника. Да что тутъ далеко ходить. Чай помнишь Кирилла Кузьмича, — вотъ, что года три тому назадъ заѣзжалъ ко мнѣ, еще карета-то у него такая славная; когда я зазнала его, у него былъ только одинъ сюртучишка... Служилъ онъ въ ту пору въ Москвѣ, въ типографіи—гдѣ книги печатають, а получалъ жалованья

всего два съ полтиной серебромъ въ мѣсяцъ, ну, да грѣшныхъ рубля полтора приходило, — отъ какой-то краски, да отъ олова; тамъ доходы не мудреные, не то что въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ... Малый-то онъ былъ непьющій, да и другихъ, съ позволенія сказать, за нимъ дурныхъ дѣлъ не было; тутъ Агафоклея Петровна плюнула, должно быть подумала не хорошее. — вотъ за него и пошла дочь діакона принесла ему за собой два лисьихъ сапога и всякой женской потребности, да въ добавокъ, деньгами полторы тысячи на серебро. Діаконъ-то былъ прихода хорошаго, изъ Замоскворѣчья; тамъ больше проживаетъ купечество, а купечество для причета, извѣстное дѣло, не въ примѣръ лучше господъ, по той причинѣ, что оно благосклоннѣе въ отношеніи праздниковъ. Ну, вотъ, Терентій Кузьмичъ не будь простъ, да и пусти женины-то денежки въ дѣло. Бывало въ воскресный день и къ Сухаревкѣ сбѣгаетъ, и на Смоленскій заглянетъ: то подсвѣчничекъ купить; то кроватку, то шубу, то какое-нибудь дышло, то гирьку отъ часовъ; а въ другой разъ пойдетъ мѣнять: фракъ на часы, на панталоны, ружье на лампу, колокольчикъ—ну, кому что нужно. Тамъ разнаго

народу много и всякія вещи въ ходу... грѣшнымъ дѣломъ бываютъ и темныя. Такимъ манеромъ, самъ-то что-нибудь купить за грошъ, а промѣняетъ — возьметъ гривну придачи. Да ужъ мастеръ-же онъ былъ, мой голубчикъ, и торговаться: вещь-то стоитъ рубль, и самъ знаетъ, что рубль, а онъ сулитъ 20 коп., да еще застрашаетъ—я, говоритъ, тебя и съ нею-то въ сибирку засажу... Ну, тотъ туда-сюда,—глядишь и отдалъ. Одинъ разъ показываетъ онъ мнѣ мѣдный грошъ, старый такой, совсѣмъ истертый такъ что и разобрать нельзя,—грошъ-ли это, или пуговица какая; знаете-ли, говоритъ, вы матушка, Агафоклея Петровна, что это такое? Я съ просту—то и говорю: а кто жъ ее знаетъ, батюшка,—какая-то мѣдяшка; какъ онъ захохочетъ—ахъ вы, говоритъ, да вѣдь это на охотника сто рублей стоитъ... Чтожъ бы ты думалъ? Павлуша, вѣдь какъ сказалъ, такъ и есть... пріѣхалъ какой-то баринъ въ Москву закладывать деревню, по случаю неурожая; познакомился съ Кириломъ Кузьмичемъ, да какъ увидѣлъ у него этотъ грошъ, такъ и ахнулъ; вынулъ сто рублевую, а грошъ завернулъ въ три бумажки, да къ себѣ въ карманъ и спрашиваетъ—нельзя-ли еще достать такихъ-же; я;

говорить, антики... антиха .. Антихристъ, подхватилъ Павелъ Павлычъ.—Тьфу, прости Господи, согрѣшеніе! и Агафоклея Петровна перекрестилась. Нѣтъ, не такъ, продолжала она, а что-то похоже... А грошъ-то этотъ нашелъ Кирило Кузьмичъ въ коробкѣ съ гвоздями, за которую заплатилъ 12 копѣекъ. Онъ, бывало, мой голубчикъ, ни чѣмъ не брезгалъ, все къ рукамъ подбиралъ, да, такимъ-образомъ, года въ три ужъ у него изъ полуторы-то тысячи сдѣлалось пять; тогда онъ за другое принялся: бывало, смотришь, кто часишки несетъ къ нему, кто колечко, кто сережечки, знаешь, въ обезпеченіе, на короткое время одолжиться, процентовъ-то онъ большихъ никогда не биралъ, грѣхъ сказать, а такъ: съ кого три, съ кого пять въ мѣсяцъ, глядя по человѣку; оно и тому-то плюнуть стоитъ пять рублей заплатить на сотню; все равно, въ карты-бы проигралъ... а ужъ какая у него была сохранность вещамъ,—упаси Боже! бывало, жена просить просить что-нибудь эдакое надѣтъ, куда тебѣ, ни за что! Чужое частехонько въ совѣтъ на сбереженіе клалъ; зато и добрые люди уважали и всегда говорили что у Кирила Кузьмича всякая вещь сохраннѣе, чѣмъ дома. Правда, послѣ срока

онъ льготу давалъ не большую, всего три дня; ну, за то проценты бралъ не жидовскіе... Есть такіе аспиды, которые по десяти берутъ; а чтобъ знаешь, не вышло бы и ему какой неприятности, то онъ придумалъ отбирать записочки, что вы-де вещь мнѣ продали; а если черезъ столько-то времени захотите ее опять имѣть у себя, то обязаны возратить денежки сполна, а проценты-то возьметъ впередъ; никто никакого притѣсненія сдѣлать и неможетъ. Такъ прошло года два, глядимъ, ужъ онъ и въ губернское началъ ѣздить на торги; приискиваю, говоритъ, имѣннице купить, а самъ все служить... Вотъ приискалъ и имѣннице, заплатилъ около десяти тысячъ, ну, думаемъ, поѣдетъ на покой; заживетъ бариномъ,—не тутъ-то было! Продалъ сперва изъ новой усадьбы лѣсъ; послѣ двора три отпустилъ на волю, а потомъ и всю деревню продалъ.—Что, Кирило Кузьмичъ, говорю, надоѣла деревенька-то, что-ли? — Нѣтъ, говоритъ, напримѣтъ есть другая, по-ближе, Подмосковная. — Да какъ-бы ты думалъ? Теперь 400 душъ имѣетъ; баринъ такой, что на-ти пропасть! Да и меня старуху не забываетъ, дай Богъ ему здоровья! Вотъ, Павлуша, какъ-бы тебѣ, такъ я-бы и капиталецъ свой отдала;

тысячка другая наберется. А то, что? Всего-то у тебя четыре двора, да и заложить-то их нельзя, недостатокъ въ землѣ... Право, подумай... А вотъ, еще другой, двоюродный мой братъ, тоже въ Москвѣ порядкомъ нажился, ну, да, правда тотъ другимъ способомъ... Былъ, знаешь, молодой, въ гусарскомъ мундирѣ... такой изъ себя красивый... въ годъ копѣйку зашибъ...

Тетушка-благодѣтельница давно кончила рассказъ свой, и, надвинувъ очки на носъ, давно продолжала вязать нескончаемый шерстяной чулокъ, а Павелъ Павлычъ все еще слушалъ; въ головѣ его бушевало цѣлое море предпріятій, одно другаго вѣрнѣе, одно другаго выгоднѣе... Наконецъ, колокольчикъ застѣдателя, раздавшійся у крыльца, разбудилъ его, и онъ опрометью бросился изъ комнаты. — Павлуша! Павлуша! Куда ты? Обѣдай со мною, у меня сегодня сычугъ,—раздался за нимъ голосъ доброй старушки.—Нѣтъ, тетушка, завтра; надо подумать... Прощайте! завтра... и черезъ часъ онъ былъ дома. Но ужъ это былъ не онъ, а, просто, ходячій мѣшокъ, набитый всякими соображеніями, или портфель какого-нибудь, очень дѣловаго секретаря, въ которомъ купчіи были перемѣшаны съ дарственными, возлѣ ввода во

владѣніе лежало' заемное письмо, а рядомъ съ заемнымъ письмомъ — кредитный билетъ высокаго достоинства. Цѣлый день провелъ Павелъ Павлычъ въ какомъ-то страшномъ волненіи. Когда Ильюшка, исправляющій у Мурашкина три должности, а именно — камердинера, повара и кучера, спросилъ барина:— «Чтожь, сударь, будете вы сегодня кушать? ато я уберу со стола— то баринъ отвѣчалъ: погоди! Сейчасъ... только на Смоленскій сбѣгаю, колокольчикъ нужно купить; и самъ точно побѣжалъ, но только не на Смоленскій, а по другому дѣлу. Ильюшка посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, махнулъ рукой и убралъ со стола. Подали самоваръ, Павелъ Павлычъ ни съ того, ни съ-сего схватилъ конфорку и побѣжалъ къ шкафу съ посудой, otvorилъ его, бросилъ конфорку на полку и принесъ оттуда вилку, которую Ильюшка, увидавъ у него въ рукахъ безъ всякой надобности, взялъ и отнесъ опять на свое мѣсто. Отпивъ полстакана чаю, Павелъ Павлычъ приказалъ убрать самоваръ, а самъ, измученный, повалился на кожаный диванъ исполнявшій должность кровати. Тутъ то пошло настоящее искушеніе: колокольчики, фраки, гвозди, имѣнія, часы, панталоны, мѣдныя деньги — все это составило вокругъ него какой-то

пестрый хороводъ, прыгало и кричало: — купи меня, я лучше! возьми меня, я новѣй! или — я темный бери скорѣй, наживешь деньги .. даже Смоленскій и Сухаревка, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ никогда не видалъ, и тѣ предстали передъ нимъ, какъ живыя; первый — въ видѣ цыгана въ лохмотьяхъ, съ поднятымъ кулакомъ, а послѣдняя—въ видѣ толстой старухи непрерывно сбрасывающей съ себя безчисленное множество платьевъ... Тѣфу ты! какая бессмыслица, подумалъ Павелъ Павлычъ, а еще старуха... и повернулся къ стѣнѣ, глядитъ, къ нему подходитъ тетушкинъ кучеръ. Въ одной рукѣ у него пѣтухъ, а въ другой капоръ благодѣтельница; купите, говоритъ, Павелъ Павлычъ, у меня пѣтуха!—На что мнѣ твой пѣтухъ? — Какъ на что? промѣняемся послѣ на капоръ; вѣдь онъ темный, прибавилъ онъ наклонившись къ уху барина.—Врешь!—Ей-Богу, сударь, темный!—Ну, давай сюда! — Извольте! Пожалуйте сто рублей придачи! — Возьми! — и Мурашкинъ, бросивъ ему сто рублей, взявъ капоръ, глядитъ, а въ капорѣ пѣтухъ... Онъ его выбросилъ... Хотѣлъ примѣрить капоръ на голову, а тамъ опять пѣтухъ... Что за дрянь! подумалъ Павелъ Павлычъ и схвативъ пѣтуха за голову,

размахнулся, чтобы снова выбросить, но въ это время почувствовалъ ужасную боль въ рукѣ; открылъ глаза, передъ нимъ стоялъ Ильюшка и что-то ворчалъ.—Ильюшка! Это ты? спросилъ Павелъ Павлычъ.—Я, сударь.—А гдѣ пѣтухъ? —Не могу знать; должно быть по двору ходить съ курами... — Врешь, дуракъ! Сейчасъ тутъ былъ.—Не могу знать; никакого пѣтуха нивидѣлъ; я уже около часу здѣсь бужу вашу милость; извольте вставать; тетюшка просила сказать, что она заболѣть изволила, вчера за обѣдомъ неосторожно покушала... Мурашкинъ протеръ глаза, на дворъ былъ бѣлый день и стѣнные часы прошипѣли 9. Э-э! какъ я разоспался, проговорилъ онъ, потягиваясь; ты говоришь, что тетюшка заболѣла?—Точно такъ.—Поскорѣй бричку...

Агафоклея Петровна не была знакома съ французской кухней и, вообще, не любила пищи легкой, которая, по словамъ ея только дразнить аппетитъ, а утолить его никогда не можетъ. Она не гналась также и за тѣмъ, чтобы кушанья, подаваемые ей, были приготовлены по всѣмъ правиламъ поварѣннаго искусства и постоянно приказывала только одно, чтобы онѣ были жирны и являлись на столъ въ боль-

шомъ количествѣ, и потому пріучила себя такъ, что чего не доваритъ поваръ-Марфушка на таганѣ, то весьма легко и способно переваривалось въ ея собственномъ желудкѣ, безъ малѣйшихъ послѣдствій. Но на этотъ разъ свиной сычугъ, на который она приглашала Павла Павлыча, измѣнилъ хозяйкѣ и измѣнилъ такъ неосторожно, что въ другой разъ ей уже не пришлось его кушать. Агафоклея Петровна еще за пирожнымъ—творогомъ со сливками — почувствовала сильную боль подъ ложечкой; вслѣдствіе чего засѣдатель предложилъ ей, за неимѣніемъ мятныхъ капель, выпить полрюмки очищеннаго съ перцомъ; но лѣкарство это, столь радикальное во всѣхъ болѣзняхъ русскаго человѣка, на этотъ разъ оказалось не дѣйствительнымъ. Агафоклея Петровна легла въ постель, приказавъ поставить самоваръ и сдѣлать себѣ малинки, а засѣдатель обѣщалъ прислать изъ города доктора, потому что у больной внезапно обнаружались всѣ признаки самой сильной холеры, и къ вечеру она уже почувствовала себя такъ дурно, что послала за священникомъ и Павломъ Павлычемъ, наказавъ тому и другому, что пришелъ ей послѣдній конецъ. Дѣйствительно, на другой день Мурашкинъ за-

сталъ свою благодѣтельница за нѣсколько часовъ до смерти, и она едва успѣла проститься съ нимъ; вручивъ ему 2,263 руб. 47 коп. сер., изъ которыхъ 263 р. 47 к. просила употребить на похороны и вѣчное поминовеніе а 2,000 р. отданы въ собственное его распоряженіе, вмѣстѣ съ шестью дворами крестьянъ, заключающихъ въ себѣ 31 ревизскую душу. Причемъ убѣдительно просила племянника не покидать своего таланта, наживать деньги и непременно ѣхать въ Москву; съ тѣмъ и Богу душу отдала. Погореваль Павелъ Павлычъ о смерти своей благодѣтельница, и даже, какъ слѣдуетъ, поплакалъ, когда провожалъ ее въ червивую каморку; а послѣ, какъ водится съ порядочнымъ человѣкомъ, утѣшился, и, распорядившись вкладами по монастырямъ, поѣхалъ въ городъ хлопотать о введѣ себя во владѣніе имѣніемъ послѣ покойницы.

Когда все пришло въ порядокъ и Мурашкинъ явился помѣщикомъ, почти 60-ги душъ, притомъ съ небольшимъ капиталцемъ, тогда въ тимшинскомъ уѣздѣ пронесся слухъ, что Павелъ Павлычъ собирается въ Москву *попытать счастья*.— Понимаемъ, говорили сосѣди, понимаемъ, что значить попытать счастья, женить—

ся захотѣлъ... Посмотримъ, какую-то привезетъ намъ сосѣдку! А добрая Марья Ивановна, наперсница покойницы Агафоклеи Петровны, крестилась и присовокупляла: — дай Богъ ему, дай Богъ! Человѣкъ онъ смирный, хорошій такой! за него всякая пойдетъ!.. Но увы! сосѣди ошибались; не жениться ѣхалъ Павелъ Павлычъ; другая причина, другія надежды манили его въ Бѣлокаменную...

—

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ смерти Агафоклеи Петровны Павелъ Павлычъ писалъ изъ Москвы къ своему сосѣду письмо, слѣдующаго содержанія: «Любезный Иванъ Ивановичъ! Вотъ, я уже пятый день въ Москвѣ, а еще знакомства ни съ кѣмъ не свелъ; брожу, какъ въ лѣсу. Что здѣсь за умный народъ, ты себѣ и вообразить не можешь. Еще на послѣдней станціи передъ Москвою ямщикъ смѣкнулъ, что я человѣкъ не бывалый и потому предложилъ — отрекомендовать меня въ такую гостинницу, что чудо; и трактиръ, говоритъ, и баня и магазинъ—все въ одномъ мѣстѣ. Ну, ладно, отвѣчалъ я, — спасибо, и посулилъ ему за это полтинникъ на чай. Ямщикъ ударилъ по лошадамъ и черезъ часъ мы стояли у заставы. Илью-

шка побѣжалъ прописывать подорожную, а я сталъ смотрѣть впередъ. Это было ровно въ 8 часовъ вечера, и потому, къ сожалѣнію, я не многое видѣлъ вокругъ себя. Но, вотъ Ильющка возвратился, вскочилъ на облучекъ, ямщикъ снова ударилъ по лошадямъ и мы въѣхали въ Москву. Тутъ-то, братъ, пошла исторія, Господи твоя воля!.. Помраченіе, сущее помраченіе!.. Справа дома, и слѣва домъ; справа ѣдутъ, и слѣва кричатъ; точно свѣта представленіе какое... И это, изволишь видѣть, здѣсь всякій день такая потѣха; такъ, даже страшно вспомнить, того и гляди, что задавятъ и просить будетъ не на кого; улизнуть, ей Богу улизнуть! Поди, ищи послѣ... спрашивай, кто задавилъ Павла Павлыча Мурашкина? Да, скажутъ, никто не задавилъ, вотъ и все, ничего не возьмешь; за одного тебя всю Москву подъ уголовный судъ не отдадутъ... Больше часу ѣхалъ я въ этомъ лабиринтѣ, и куда, куда только мы не поворачивали; я думаю, что коренная всѣ бока объ оглобли обтерла... Наконецъ выѣхали на площадь, на которой ежедневно горитъ фонарей пятьдесятъ, и остановились у пребольшаго-большаго бѣлаго дома. Вотъ—съ вамъ, сударь и гостинница, сказалъ мой услужливый ямщикъ. Я

вышелъ. — Пожалуйте, Пожалуйте! повторилъ нѣсколько разъ отставной солдатъ, съ двумя медалями на груди, отворяя стеклянную дверь и указывая на широкую чугунную лѣстницу. Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ко мнѣ выскочилъ молодой человекъ во фракѣ, завитой, и съ толстой золотой цѣпочкой на жилетѣ.—Въ какую цѣну вамъ желательно занять номеръ? спросилъ онъ, и при этомъ такъ ловко поклонился, что я не утерпѣлъ, и, остановившись, въ свою очередь снялъ передъ нимъ шапку. Онъ повторилъ вопросъ.—Не безпокойтесь, отвѣчалъ я, мнѣ все равно, подешевлѣ.—Очень хорошо, прибавилъ онъ, пожалуйста за мной... Здѣсь удивительно деликатные люди. Мы прошли корридоръ, и мой проводникъ, отворивъ послѣднюю дверь, на которой написано № 28-й, произнесъ: — пожалуйста! шесть гривенъ въ сутки, свѣчка и самоваръ, я корридорный и всегда къ вашимъ услугамъ. Такимъ образомъ я очутился въ номерѣ, и между-тѣмъ, какъ Ильюшка съ извозчикомъ хлопотали выносить изъ кибитки мои подушки, чемоданы и коробокъ съ кушаньемъ, я, освободившись отъ шубы, фуфайки и прочихъ дорожныхъ принадлежностей, прилежно занялся осмотромъ новаго по-

мѣщенія. Квартира моя состоитъ изъ одной, довольно большой комнаты, перегородженной на три и такимъ—образомъ, что изъ нее выходитъ двѣ нечистыхъ и одна чистая. Всѣ онѣ оклеены обоями, съ изображеніями купидоновъ въ натуральномъ ихъ видѣ, дергающихъ за хвостъ какихъ-то птицъ съ носами, вздернутыми не много къ-верху. Мебель весьма хорошая: диванъ и стулья точь-въ-точь, какъ у нашего исправника, только съ пуговицами, сидѣть на нихъ очень ловко, особенно на одномъ съ ямкой, я и теперь на немъ сижу — безподобно! Кровать и столъ, надо полагать, изъ краснаго дерева, зеркало въ золотой рамѣ, которую немного заплевали, извѣстныя тебѣ, лѣтающія настькомыя. Что тебѣ сказать насчетъ замѣчательнаго? Видѣлъ Сухаревку и Смоленскій, только не въ торговые дни; Царь-пушку и Ивана великаго,—ужъ какой же онъ большой! Колоколенъ здѣсь, вообще, очень много, калачи и витушки, просто объяденье, а церковей и лавокъ различныхъ не сочтешь. Народъ, кажется, добрый: вчера одинъ баринъ, который живетъ рядомъ со мной, спросилъ, какъ мое здоровье? Должно быть, какой-нибудь лѣкарь... купилъ себѣ платье самаго послѣдняго фасона у Нѣмца

и шляпу купилъ: въ Москвѣ всякій ходитъ въ шляпѣ и перчаткахъ. Еще скажу тебѣ, что здѣсь ужасно много выходитъ водки; всѣ безпрестанно просятъ на водку, извощики, и корридорные, просто ни за что... Извощикъ тебя привезетъ,—отдай ему деньги да еще на водку дай; корридорный подмететъ комнату и тому дай; а другой и комнаты неподмететъ, только дверь отворить такъ и жди, что скажетъ: пожалуйста наводку. Здѣсь, вѣроятно, очень много пьютъ, я опасаюсь за Ильюшку, не выдержитъ канала, запьетъ, непременно запьетъ, да безъ заднихъ ногъ и свалится... Вчера я гулялъ; ко мнѣ на встрѣчу идетъ мальчишка лѣтъ 13-ти, въ рукахъ у него палка, а напалкѣ парь 20 сапогъ; вотъ, онъ шолъ, шолъ, поскользнулся да и упалъ, сапоги-то, знаешь, и разлетѣлись по снѣгу; такъ мнѣ его жаль стало, думаю, дѣло подневольное, хозяинъ побьетъ. Давай-ка, говорю я, помогу подобрать, держи палку. Мальчикъ, повидимому, удивился моей услужливости и недовѣрчиво поглядывалъ на мою работу... Но представь мое удивленіе: когда сапоги всѣ были подобраны, повѣшены, по прежнему, на палку, прикрыты грязной холстиной, онъ вдругъ обратился ко мнѣ и весело сказалъ, — покорно бла-

годарю, сударь, пожалуйста на водку!—За что же?—Да какъ-же-съ, нельзя-же? наше дѣло мастеровое... Я бросилъ ему гривенникъ, плюнулъ, и пошелъ своей дорогой, невольно размышляя, за что же это онъ взялъ съ меня на водку?... Но, вотъ, мнѣ принесли ужинъ. Прощай! На этотъ разъ довольно, я же сегодня усталъ, много ходилъ, хочется по скорѣй набоковую. Не забывай, душою преданнаго тебѣ.

Павла Мурашкина.

Москва, 6-го января 1856 гда.

На другой день, утромъ, Павелъ Павлычъ послалъ Ильюшку съ письмомъ на главную почту и, приказавъ отдать повѣрнѣе, присовокупилъ: да ты у меня, смотри, не пропади по третевошнему: а то я тебя, знаешь, въ сибирку! Ильюшка на замѣчаніе барина не сказалъ ни слова, только вздохнулъ изъ глубины души и, накинувъ нагольный тулупъ на плечи, понесъ барское письмо на главную почту.

Между-тѣмъ Павелъ Павлычъ оставшись одинъ, прошолся раза два взадъ и впередъ по своей чистой комнатѣ, и сказалъ самому себѣ довольно громко:—пора за дѣло! подошелъ къ двери, немного отворилъ ее и крикнулъ: корридорный!—Сейчасъ, сударь, раздалось съ другаго конца

корридора, только въ 3-й номеръ умыться подамъ.— Павелъ Павлычъ еще разъ прошолся, потомъ сѣлъ на любимый стулъ съ ямкою и нетерпѣливо посматривалъ на дверь. Черезъ полчаса вошелъ корридорный съ своимъ неизмѣннымъ—чего изволите-съ?

— Какъ тебя звать, любезный? спросилъ Павелъ Павлычъ, и, при этомъ, пріятно улыбнулся.

— Николаемъ-съ.

— Послушай, Николаша, знаешь я человекъ пріѣзжій знакомства здѣсь никакого не имѣю, обычаевъ вашихъ не знаю, а хотѣлось-бы съ добрыми людьми сойтись, да и дѣлишки кой-какія завести. Человекъ такъ созданъ, что безъ дѣла быть ему не годится; праздность, говорятъ мать пороковъ. Вотъ, ты и простой человекъ, а вѣдь служишь, отчасти пользу приносишь... Павелъ Павлычъ былъ человекъ не безъ лоску и зналъ кому какъ и что сказать.

Извѣстное дѣло, служу-съ; нужно и барину оброкъ отдать, да и женѣ послать, да и самому одѣться, отвѣчалъ корридорный.

— Вотъ, то-то же и есть, а тѣмъ паче мнѣ, дворянину, и Богъ велитъ не шататься по пустому одному, а искать людей, съ которыми-бы

можно было и поговорить, и кой-что разузнать; человекъ новый, самъ знаешь. У меня и капиталаецъ есть, правда, небольшой; а все дома держать не годится, талантовъ зарывать не приходится... Скажи-ка, гдѣ у васъ тутъ бываютъ сходбища? а?

— Какія сходбища?

— Ну, знаешь, гдѣ можно чайку напитокся, позакусить, потолковать о томъ о семъ... вѣдь люди сходятся же между-собой, не медвѣди какія.

— Понимаю-сь, понимаю-сь известное дѣло, не медвѣди... по большей части въ трактирахъ.

— Гдѣ же? и въ какихъ?

— У Печкина, у Патрикѣева, въ Новотроицкомъ; ну, въ общемъ столъ,—это тоже Печкина; вотъ тамъ народъ — такъ ужъ все чистый.

Павелъ Павлычъ взялъ карандашъ и записалъ, подчеркнувъ слова: общій столъ.

— И познакомиться тамъ можно?

— Еще-бы... съ деньгами все можно, здѣсь такое заведеніе; а то, если угодно, и театръ есть, и собраніе; только туда по билетамъ пускаютъ. Тамъ всѣ господа бываютъ.

Павелъ Павлычъ опять записалъ и театръ и собраніе.

— Ну, а еще что у васъ есть? прибавилъ онъ, обратившись снова къ Николаю.

Николай улыбнулся и понизивъ голосъ продолжалъ: — есть и еще мѣста, гдѣ можно съ пріятностью себя позабавить.

— Какія же?

Тутъ корридорный оглядѣлся кругомъ и что-то шепнулъ Павлу Павлычу. Мурашкинъ съ недовольнымъ видомъ отвернулся и произнесъ громко: — что это ты говоришь, Николаша? Плюнуть хочется... Нѣтъ, я туда не пойду! Не хорошо. Дворянину не слѣдъ туда ходить... вотъ, въ собраніе, въ театръ — дѣло другое, а туда, какъ можно? Ей-Богу не пойду!...

— Какъ будетъ угодно; я вѣдь только сказалъ,—извините-сь.

— Ничего, ничего!... вотъ тебѣ на чай, а послѣ еще дамъ, и Павелъ Павлычъ сунулъ ему четвертакъ.

— Благодарю покорно, много доволенъ-сь.

— Корридорной, корридорный! раздалось, а дверью.

— Сейчасъ, судары! Извините, зовутъ, сказалъ Николай и выбѣжалъ изъ комнаты.

Когда корридорный исчезъ, хлопнувъ за собою дверью, Павелъ Павлычъ; задумался съ

чего начать? думалъ онъ, пересчитывая, записанныя на бумажкѣ, московскія удовольствія. Пойти къ Печкину,—нужно одѣваться, а Ильюшка еще и сапогъ не вычистилъ, да и Богъ знаетъ, когда онъ вернется; ѣхать въ театръ—не извѣстно, что тамъ представляютъ... можетъ-быть завтра будетъ лучше, а тѣмъ временемъ можно узнать; въ собраніе, въ самомъ-дѣлѣ, въ собраніе! Покойница тетушка, — дай Богъ ей царство небесное!—говаривала, что въ собраніе ѣздить часовъ въ 10 вечера, а къ тому времени авось Ильюшка подойдетъ... Мерзавецъ, сказалъ онъ громко и высунувшись за дверь, приказалъ подавать обѣдъ. Въ силу неизмѣннаго закона на Руси, Русскій человѣкъ почти никогда не обходится безъ послѣ обѣденнаго отдыха; а потому Павелъ Павлычъ, покушавъ исправно и заложивъ дверь на крючокъ, что обыкновенно дѣлалъ на всякій случай, прилегъ и заснулъ сномъ праведника.

Въ корридорѣ давно уже зажгли двѣ лампы, изъ которыхъ одна успѣла пустить отъ себя такой запахъ, что новопріѣзжая барыня, дойдя до половины, корридора, объявила рѣшительно, что съ ея слабой головой здѣсь умереть можно, и потому, возвратившись въ возокъ, приказала

ѣхать на какое то подворье: Поваренокъ, при-
бѣжавшій изъ кухни за посудой, сидя у буфета,
давно ужъ щелкалъ картами по носу чьего-
то человѣка съ бакенбардами и не бритой бо-
родой; при чемъ тотъ дѣлалъ такія ужимки,
что проходившій въ это время изъ номера, ни
къмъ еще не занятого, сбитенщикъ, не утер-
пѣлъ, чтобы не сказать: — экъ его сердечнаго
ломаешь! Между-тѣмъ господинъ изъ 18-№ неистово
кричалъ въ полуотворенную дверь и требо-
валъ немедленно самовара, грозя персѣхать
тотчасъ же къ Шору, и выхваляя порядокъ
всѣхъ гостинницъ, исключая той, въ которой
имѣлъ несчастье находиться. На что знакомый
намъ Николай, вытирая въ буфетѣ стаканы, съ
достоинствомъ замѣчалъ: — не горячись, не го-
рячись, любезный, подождешь; есть и по чище
тебя... не испугаешь; даромъ держать никто не
будетъ... въ два мѣсяца только три трехрубле-
выхъ отдалъ, да двугривенный, а на водку-то
не далъ ничего, прежде расплатись, да тогда и
убирайся къ своему Шору... Еще хозяинъ-то
человѣкъ богобоязливый; другой на его мѣстѣ
давно-бы на казенную квартиру отправилъ —
къ Иверскимъ...

Давно дѣятельность гостинницы, возобновилась,

послѣ двухъ-часоваго отдыха ея обитателей, а въ 21 № была тьма и царствовала глубокая тишина. Я говорю тишина, потому-что Павелъ Павлычъ еще спалъ; а спалъ Павелъ Павлычъ всегда очень тихо; онъ не имѣлъ столь предосудительнаго обыкновенія храпѣть, и если позволялъ себѣ во снѣ и то изрѣдка, такъ это единственную вещь—присвиснуть носомъ, при поворотѣ самого себя съ одного боку на другой, но и этотъ невинный звукъ почиталъ какъ-бы не умѣстнымъ, потому-что всегда тотчасъ-же просыпался, и, крестясь робко произносилъ:—никакъ это я свиснулъ. Но вотъ пробило 7 часовъ и съ послѣднимъ ударомъ разбитаго колокольчика въ часахъ. Павелъ Павлычъ, отворивъ дверь изъ своего номера, крикнулъ: Ильюшка!—Онъ еще не бывалъ, отвѣтилъ Николай; самоваръ и свѣчку я сейчасъ подамъ-съ. Въ это время въ стекляныхъ дверяхъ корридора показалась фигура Ильюшки, съ не совѣмъ вѣрной поступью, но завидя барина, онъ тотчасъ-же сдернулъ съ головы своей шапку,—таковъ ужъ Русскій человекъ; онъ всячески оскорбитъ барина, но никогда не позволить себѣ оставаться передъ нимъ въ шапкѣ, стараясь казаться какъ можно бодрѣе,

Ильюшка подошелъ къ Павлу Павлычу и сказалъ довольно твердо:—отнесъ-сь!

Баринъ посмотрѣлъ на него, съ состраданіемъ покачалъ головою и не сказалъ ни слова. Павелъ Павлычъ былъ нрава кроткаго и всегда старался умѣрять свой гнѣвъ. Оба вошли въ номеръ. Николай подалъ свѣчку и самоваръ — Ну! сказалъ, вздохнувъ Павелъ Павлычъ, обращаясь къ Ильюшкѣ: — гдѣ же это ты пропадаешь?

— По вашему приказанію на почту ходилъ-сь.

— А оттуда?

— Возвратился обратно къ вашей милости.

— А знаешь-ли, — сколько времени ты ходилъ? а?

— Не могу знать-сь.

— Девять часовъ.

— Слушаю-сь.

— Не слушаю-сь, а тебя спрашиваютъ: отчего ты такъ долго ходилъ?

— Должно быть оттого, что далеко-сь.

— А пьянъ отъ чего?

— Не могу знать отчего; я, кажется, сего дня и не сбѣдалъ, извольте спросить.

— Кого?

— Да вотъ-сь Максимку, вольноотпущеннаго

покойницы тетушки Агафоклеи Петровны; онъ здѣсь проживаетъ въ трактирѣ, въ половыхъ... какъ обрадовался... вѣдь онъ мнѣ кумъ, извольте знать; зазвалъ къ себѣ, да чайкомъ попоилъ. Такой славный, — извольте спросить у него.

— А водку пилъ?

— Грѣшенъ, два стаканчика пропустилъ; нельзя же отказать, человѣкъ-то онъ хорошій; ну, и закусочки разной поставилъ, а я и позабавился... Простите, сударь! вѣдь у нашего брата, лакея, сами извольте знать, никакого удовольствія... Ваше дѣло господское, — туда пошли, дуда поѣхали, разныя знакомства; а мы люди подвластные, рѣдко придется потѣшиться, а потѣшился, такъ того и гляди, что канфузъ получишь, — вотъ, оно что-сь, прибавилъ Ильюшка, и при этомъ такъ умильно взглянулъ на своего господина, что еслибъ Павелъ Павлычъ въ это время не отвернулся, то вѣрно бы прослезился. Но если Павелъ Павлычъ и не прослезился, зато онъ рассудилъ такъ: — въ-самомъ-дѣлѣ, думалъ онъ; нельзя же и этимъ людямъ не имѣть своего профанту, вѣдь они также созданы, какъ и мы, грѣшные, по образу и по подобію Божію... Вотъ, напримѣръ, я

сегодня поѣду въ собраніе, завтра въ театръ, а тамъ еще куда-нибудь, а Ильюшка туда не поѣдетъ, его туда не пустятъ, ну, да, впрочемъ, онъ и самъ не захочетъ, что ему тамъ дѣлать? Онъ лучше выпьетъ рюмку водки съ Максимкой, чѣмъ поѣдетъ въ собраніе... Отчего же ему и не выпить водки? отчего-же его и не простить, когда онъ выпьетъ? Послѣ такого разсужденія, Павелъ Павлычъ уже рѣшительно не сердился на своего Ильюшку и даже, кончивъ пить чай, ласково сказалъ ему: — убирай самоваръ, да пей самъ; я сегодня заварилъ цвѣточнаго, а какъ кончишь, такъ приготовь мнѣ одѣваться. Нѣмецкую пару, шляпу и перчатки; я сегодня ѣду въ собраніе... Ты понимаешь-ли, дуракъ, что значитъ собраніе?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То то-же.

Въ этотъ день въ благородномъ собраніи былъ большой маскарадъ; даже залы нѣмецкаго клуба были открыты для гг. посѣтителей. Два хора музыки и хоръ цыганъ, почти не умолкая, оглашали великолѣпно освѣщенную залу. Павелъ Павлычъ въ своей нѣмецкой парѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и со шляпой въ рукахъ, пріѣхавъ довольно рано, робко обошелъ почти всѣ

залы; подивился, какъ можетъ держаться такой длинный и широкій потолокъ безъ подпорокъ; полюбовался фонтаномъ и цвѣтами; потомъ попробовалъ—было посчитать въ одной изъ люстръ свѣчи, чтобы послѣ смекнуть, сколько во всѣхъ, но какой то баринъ съ маской его толкнулъ, попросивъ, разумѣется, извиненія, и Павелъ Павлычъ сбившись со счета на 55 свѣчкѣ, не разсудилъ начинать свою трудную работу снова, а потому и помѣстился на скамеечку за баллюстрадой скромнымъ наблюдателемъ. Просидѣвъ такимъ-образомъ съ часъ, онъ зѣвнулъ; между тѣмъ маски и кавалеры цѣлыми толпами наполняли залу. У Павла Павлыча зарябило въ глазахъ и онъ опять зѣвнулъ.—Князь! пойдѣмъ выпить водки, да покурить, раздалось надъ ухомъ Павла Павлыча. Онъ обернулся. Два барина взялись подъ руки и пшши, изъ которыхъ одинъ отвѣчалъ: — очень радъ! пойдѣмъ. Павелъ Павлычъ послѣдовалъ за ними; это дѣло хорошее, подумалъ онъ, а мнѣ давно затянута хочется. А кстати, нельзя-ли будетъ тамъ съ кѣмъ нибудь и познакомиться. Когда Павелъ Павлычъ взошелъ въ залу, гдѣ курятъ, то предварительно три раза чихнулъ; потомъ поперхнулся, кашлянулъ, насту-

пилъ кому то на ногу и съ трудомъ могъ разглядѣть окружающіе его предметы. Э-э! да и здѣсь зала-то порядочная, замѣтилъ онъ, только ужъ черезъ-чуръ накурили.—Фу ты, Господи! какой дымъ, прибавилъ онъ, и спросилъ себѣ трубку; но вмѣсто трубки ему подали папиросу, которую онъ закурилъ, не сказавъ, впрочемъ ни слова. Въ это время двѣ маски подошли къ буфету и выпили по маленькому стаканчику какого-то вина, а кавалеръ, провожавшій ихъ, заплатилъ деньги. Это обстоятельство, повидимому, столь обыкновенное, поразило Павла Павлыча, и онъ не утерпѣлъ, чтобы не спросить у человѣка, который подавалъ ему папиросу:—любезный! кто эти барыни, что-сей-часъ по хересамъ прохаживались?

— Не могу знать, отвѣчалъ человѣкъ улыбаясь.

— Нѣтъ, пожалуйста, скажи!

— Ей Богу, не могу знать-съ; кто жъ ихъ разберетъ подъ масками? Надо полагать, какія-нибудь барышни-съ.

Я правду писалъ Максимушкѣ, что здѣсь большій расходъ на водку, и барышни-то пьютъ,—такъ думалъ Павелъ Павлычъ, спускаясь по лѣстницѣ въ большую залу, располагая обойти

ее еще разъ, да и уѣхать домой, потерявъ надежду съ кѣмъ-нибудь познакомиться. У Печкина, я думаю, это будетъ поудобнѣе, а здѣсь всѣ заняты своимъ дѣломъ. Но едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ маленькая ручка въ черной лайковой перчаткѣ, схватила его подъ руку и пропищала надъ самымъ ухомъ:— что ты все одинъ ходишь? тебѣ скучно? пойдемъ со мной.. Павелъ Павлычъ присѣлъ и въ эту минуту былъ весьма похожъ на пуделя, облигаго водою.. Простите!.. извините, сударыня... я не зналъ... кто вы?..

— Такъ ты меня не знаешь? продолжала маска; чтожъ ты остановился? Пойдемъ!

— Павелъ Павлычъ тронулся съ мѣста. Честное слово, не знаю.. право... можетъ-быть вы.. .

— А я тебя знаю. Ты пріѣзжій и стоишь въ гостинницѣ; въ маскарадѣ въ первый разъ... Что, угадала?

Точно такъ-съ, совершенно справедливо.. Но позвольте узнать кто вы?

— Ну, а какъ-бы ты думалъ, кто?

— Павелъ Павлычъ осмотрѣлъ маску съ ногъ до головы, потомъ съ головы до ногъ и

отвѣчалъ, запинаясь... вы... вы... кажется, Олимпіада Ивановна, наша городничиха?

Маска захохотала отъ души. Въ это время подошла къ нимъ другая, которой первая незамедлила передать разговоръ свой съ Павломъ Павлычемъ и обѣдолго смѣялись. Потомъ, шепнувъ что-то одна другой, предложили ему выпить шампанскаго. Пойдемъ, говорила вторая маска, вѣдь и я тебя тоже знаю, я ваша исправница. Павелъ Павлычъ былъ рѣшительно въ затрудненіи. Теперь онъ ясно видѣлъ, что его обманываютъ; онъ твердо зналъ, что исправникъ ихъ никогда не былъ женатъ, а городничиха, кромѣ сантуринскаго, никакого вина не пила, между-тѣмъ какъ эти дамы приглашали его пить шампанское. Впрочемъ, отчего-же и не согласиться, рассуждалъ онъ; отъ шампанскаго никто не отказывается, особенно на чужой счетъ, притомъ, интересно узнать: кто эти дамы, а дамы эти должны быть хорошенькія. Такимъ-образомъ Павелъ Павлычъ повиновался влеченію милыхъ проказницъ, крѣпко державшихъ его за руки, и даже почувствовалъ въ это время что-то такое, очень-очень пріятное. Черезъ нѣсколько минутъ онъ бесѣдовалъ съ ними въ углу боковой залы, передъ

маленькимъ круглымъ столикомъ, на которомъ стояла пустая бутылка и три стакана съ шампанскимъ, налитые уже по другому разу. Павелъ Павлычъ сдѣлался разговорчивѣе и менѣе конфузился, даже позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, какъ на-примѣръ: что въ собраніи было очень много народа, что въ залѣ, гдѣ курятъ, такъ дымно, что глаза ѣсть и проч. въ этомъ родѣ. Маски безпрестанно болтали, большею частью между собой, на языкѣ ему вовсе непонятномъ, смѣялись, и, повидимому, остались очень довольны своимъ собесѣдникомъ. По неотступной просьбѣ Павла Павлыча они, наконецъ, рѣшились назвать ему свои фамиліи, подѣ клятвеннымъ обѣщаніемъ никому не говорить, но обѣщаніе это было совершенно излишнимъ; онъ и безъ того никому бы не сказалъ, потому-что фамиліи были до такой степени мудреныя, а языкъ Павла Павлыча былъ такой упрямый, что ни за-что не согласился-бы ломать себя для какой-нибудь фамиліи.

— Вели пожалуйста, подать маленькую тарелочку конфекгъ, только фруктовыхъ; у меня есть сестра, она здѣсь на хорахъ и я ей обѣщала гостинца, сказала одна изъ масокъ, обращаясь къ Павлу Павлычу.

Павелъ Павлычъ тотчасъ-же приказалъ, стоявшему передъ нимъ человѣку подать конфектъ. Конфекты были принесены и съ стекляннаго блюда немедленно перешли въ бѣлый батистовый платокъ маски. Теперь, продолжала она, ты посиди тутъ, а мы сходимъ на хоры и отдадимъ конфекты. Да что-же ты не допиваешь твоего стакана, посмотри, вѣдь мы свои; кончили прощай! Не сходи-же съ этого мѣста, шепнула маска, мы сейчасъ вернемся, и объ, засмѣявшись, скрылись въ толпѣ. Долго Павелъ Павлычъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и съ нетерпѣніемъ посматривалъ кругомъ; удивлялся странному заведенію говорить въ собраніи другъ другу — ты. Наконецъ, маски стали замѣтно рѣдѣть; большая зала совсѣмъ опустѣла и служитель во фракѣ и съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ уже пробирался гасить свѣчи. Павелъ Павлычъ все сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и человѣкъ съ мѣднымъ значкомъ на груди неотступно вертѣлся передъ нимъ.—Нѣтъ, видно, что-нибудь задержало на хорахъ; нейдутъ; надо пойти поискать; я замѣтилъ у одной розовый бантъ на головѣ... Такъ думалъ Павелъ Павлычъ и застегнувъ фракъ, готовился покинуть свой постъ. Человѣкъ съ мѣднымъ значкомъ

на груди, смѣкнувъ намѣреніе Павла Павлыча удалиться, тотчасъ приблизился къ нему и наклонивъ немного голову, что придавало ему видъ субъекта весьма вѣжливаго и съ улыбкой, свойственной только человѣку пріятному, остановилъ Павла Павлыча на мѣстѣ словами довольно дѣльными:—Съ васъ, сударь, слѣдуетъ получить за бутылку и конфекты; всего пять рублей восемь гривенъ, да на чаекъ, что пожелаете. На лицѣ Павла Павлыча выразилось удивленіе и онъ тотчасъ же представилъ изъ себя букву *ф*, что, обыкновенно, дѣлалъ передъ своимъ старостой, когда тотъ докладывалъ, что кому-нибудь изъ мужиковъ ихъ деревни нужно купить лошадь. Но замѣтя такую фигуру барина, староста прибавлялъ:—оно, сударь, можно и не покупать лошади, что ихъ баловать... Павелъ Павлычъ и теперь ожидалъ, что ему скажутъ: оно, сударь можно и не платить, или что-нибудь въ этомъ родѣ; но вѣжливый человѣкъ, сдѣлавъ улыбку еще пріятнѣе, повторилъ о слѣдующемъ съ Павла Павлыча полученіи. Тогда Павелъ Павлычъ опустилъ руки и переставъ изображать собою букву *ф*, вошелъ въ разсужденія. Послушай, любезный, говорилъ онъ; развѣ здѣсь такое обыкновеніе, что пла-

титъ тотъ, кого угощаютъ; я вовсе и не хотѣлъ пить вашего шампанскаго. Меня позвали барыни; ну, думаю, отчего-же не выпить, а конфекты—самъ видѣлъ, какъ одна изъ нихъ положила ихъ себѣ въ карманъ, я даже не одной не попробовалъ, да и терпѣть не могу ничего сладкаго, отъ сладкаго зубы болятъ. Павелъ Павлычъ кончилъ, весьма довольный представленными съ своей стороны резонами и снова намѣренъ былъ удалиться, но снова былъ оставленъ.

— Позвольте, сударь, продолжалъ человекъ. Вы совершенно справедливо изволите говорить, а 5 р. 80 копѣекъ все-таки слѣдуетъ съ васъ получить.

— Опять съ меня! Тебѣ говорятъ, что не съ меня, а съ нихъ они меня угощали, они и конфекты взяли съ собой.

— Что вы? Помилуйте! гдѣ же мнѣ ихъ искать? Они давно уѣхали.

— Нѣтъ, не уѣхали, а на хорахъ.

— Да на хорахъ нѣтъ ни души; тамъ и люстры погашены.

— Ну, такъ-какъ же быть, я то чѣмъ же виновать?

— Извольте заплатить.

— Я развѣ обязанъ платить за другихъ.

— Вы спрашивали, вы и заплатите. У насъ такой порядокъ; а имъ гдѣ взять, у нихъ и гроша-то, чай, за душой нѣтъ; это вамъ въ диковинку, а ужъ мы-то ихъ знаемъ... какіянибудь... только говорить не хочется... шаромыжницы.

Видя, что ласки и убѣжденія его не дѣйствительны, Павелъ Павлычъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Онъ объявилъ рѣшительно, что гроша платить не будетъ, потому что не за что.—Въ такомъ случаѣ, сударь, извините, замѣтилъ человѣкъ, по прежнему, весьма деликатно, — въ такомъ случаѣ я доложу старшинѣ и васъ задержатъ. Павла Павлыча никогда и никто не задерживалъ, и онъ ужасно боялся всѣхъ возможныхъ задержекъ не только въ Москвѣ, гдѣ его никто не зналъ, и могли бы принять Богъ знаетъ за кого, но даже въ своемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ знали его всѣ, до послѣдняго будочника. И тамъ онъ никогда не рѣшался безъ особенной нужды проходить мимо полиціи, и по этому случаю всегда дѣлалъ большой крюкъ, лишь бы миновать то мѣсто, которое имѣетъ право задерживать добрыхъ людей. Послѣ этого можете судить, какое вліяніе

должны были сдѣлать на него слова: «васъ задержать.» Въ довершеніе непріятнаго положенія Павла Павлыча, въ это время, проходилъ мимо дежурный частный приставъ, вѣроятно поужинать, и такъ посмотрѣлъ на него, что какъ-будто хотѣлъ сказать: вотъ, я васъ сейчасъ задержу... Невольно правая рука Мурашкина очутилась въ карманъ, и онъ безсознательно вынулъ свой красный сафьяный бумажникъ, купленный имъ у того самаго жида, которому была продана мука.

— Послушай, сказалъ онъ, обращаясь къ лакею: я отдамъ 5 р. 80 коп., мнѣ это ничего не стоитъ; я отдамъ, но только смотри, это въ послѣдній разъ. Знай напередъ, что я за другихъ не платильщикъ.

— И охота была вамъ, сударь, съ ними связываться, — говорилъ человѣкъ, считая деньги; они хоть кого... Тутъ только 5 р. 80 коп., сударь, прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Ну, а сколько же тебѣ?

— А на чаекъ-то общали.

— За что?

— Какъ же съ; ужъ такъ слѣдуютъ, — вѣдь вы общали.

Павелъ Павлычъ бросилъ какую то монетку,

и не оглядываясь пустился въ сѣни, думая вотъ тебѣ и угостили... на чужой счетъ, да на свои деньги. Впрочемъ, если разобрать дѣло, оно такъ и выходитъ,—зачто же имъ меня угощать? а съ другой стороны, мнѣ-то ихъ за что угощать; тоже не за что? Не понимаю. за что же—рѣшительно не понимаю здѣшняго обыкновенія.

Между-тѣмъ лакей, получивъ отъ Павла Павлыча деньги, и отсчитавъ изъ нихъ гривень шесть въ свою собственную пользу думалъ: какой этотъ баринъ чудной! видно провинціальный, не здѣшній; здѣшніе-то ужъ все знаютъ, весь порядокъ.

— Вашъ номерокъ? спросилъ сберегатель шубъ, когда Павелъ Павлычъ требовалъ у него свою, чтобы отправиться домой.

— Какой номерокъ? спросилъ въ свою очередь Павелъ Павлычъ.

— А марочку, что изволили получить при отдачѣ шубы—давича-съ.

— Ахъ, да. Помню, сей-часъ... И Павелъ Павлычъ немедленно отправилъ лѣвую руку въ лѣвый карманъ, а правую—въ правый своихъ панталонъ, но обѣ онѣ возвратились оттуда не найдя ничего; тогда онъ послалъ ихъ во фракъ но и тамъ, кромѣ шелковаго платка, ничего не

оказалось... Потерялъ, ей Богу потерялъ; какъ-нибудь вытряхнулъ; такъ и есть — нигдѣ нѣтъ! Павелъ Павлычъ испугался; — я обранилъ вашъ номерокъ, виновать; ну да все равно, отдайте такъ.

— Помилуйте, какъ же можно, намъ не известно, которая ваша, отвѣчалъ неумолимый хранитель шубъ.

— Какъ быть! нельзя же мнѣ идти такъ, безъ шубы я могу простудиться... Пожалуйста, отдайте! Моя шуба енотовая, крытая сѣрымъ сукномъ, и капишонъ немного оторванъ...

— Все равно съ; здѣсь еще шубъ 20 осталось и мы не можемъ знать, которая ваша.

Вотъ тебѣ разъ! думалъ Павелъ Павлычъ. Только этого недоставало, чтобы безъ шубы остаться. Какъ же мнѣ быть? продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Извольте подождать, когда всѣ разѣдутся, вашу шубу никто не возьметъ.

— А долго дожидаться?

— Нѣтъ, теперь скоро уже 4-й часъ; какихъ, можетъ-быть, полчасака.

Экой какой глупый порядокъ, думалъ Павелъ Павлычъ; спать хочется, а тутъ жди. Дѣлать

нечего и подождешь, а безъ шубы не поѣдешь. Да и здѣсь то постоять, такъ проберетъ.

— Это не ваша-ли шуба? Вотъ, и капишонъ не много оторванъ, спросилъ, наконецъ, сберегатель, обращаясь къ Павлу Павлычу.

— Павелъ Павлычъ обернулся. Моя, моя! закричалъ онъ, схвативъ шубу. Если-бы благодѣтельница тетушка Агафоклея Петровна пришла съ того свѣта, то Павелъ Павлычъ вѣрно-бы такъ не обрадовался ей, какъ найденной шубѣ. Накинувъ ее кой-какъ на плечи, сверхъ обыкновенія носить въ рукава, и онъ, усталый, прозябшій и съ головной болью, безъ ряды вскочилъ въ сани, перваго попавшагося извозчика и приказалъ ѣхать скорѣе, проклиная и себя, и собраніе.

Въ эту ночь Павелъ Павлычъ видѣлъ во снѣ очень много чертей и большихъ, и маленькихъ, и потому, проснувшись во 2-мъ часу по-полудни, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и цѣлый день, къ неудовольствію Ильюшки, оставался дома, и нѣсколько разъ дѣлалъ ему разныя поученія.

Быль адмиральскій часъ, т. е. часъ, въ который, всѣ пьющіе водку условились между собою пить ее и закусывать; однимъ словомъ — было

двѣнадцать часовъ — первый утра. Этотъ часъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что около него льющему водку челоуѣку какъ будто чего-то недостаетъ, а впрочемъ ничѣмъ не разнится отъ другихъ часовъ. И такъ, повторяю, было 12 часовъ—первый, когда Павелъ Павлычъ вошелъ къ Печкину. Проворный малый, въ бѣлой канифасной рубашкѣ, съ вышитымъ воротомъ и такого же цвѣта фартукомъ, встрѣтилъ гостя, перекинувъ полотенце черезъ плечо, снялъ съ него шубу и, указавъ мѣсто, спросилъ скороговоркой:—чѣмъ прикажете просить? накрывая, между-тѣмъ, чистую салфетку на скатерть.

— Дай мнѣ обѣдать, любезный.

— Въ какую цѣну прикажете? Вотъ прейскурантъ.

Павелъ Павлычъ выбралъ въ шесть гривенъ.

Малый удалился.

Въ комнатѣ, въ которой помѣстился Павелъ Павлычъ, было еще три стола, изъ которыхъ одинъ оставался ни кѣмъ не занятъ; почему перечница, солонка и полоскательная чашка, никогда съ него не снимаемая, по видимому, съ завистью посматривали на своихъ товарищей, стоявшихъ передъ гостями. За другимъ, — почти рядомъ съ Павломъ Павлычемъ, сидѣлъ челоуѣкъ

пожилыхъ лѣтъ, купецъ не купецъ, мѣщанинъ не мѣщанинъ, — Богъ его знаетъ, что такое; просто какая-то чуйка; передъ нимъ стояло два чайника и онъ допивалъ третью пару, употребляя ежеминутно въ дѣло свой пестрый бумажный платокъ, которымъ вытиралъ себѣ лобъ, носъ бороду и даже подбородокъ. За третьимъ—сидѣло человекъ шесть, изъ которыхъ одинъ лежалъ, не потому, чтобы онъ ужъ не могъ сидѣть, а потому-что лежачее положеніе находилъ гораздо покойнѣе, и, наконецъ, потому-что ему такъ нравилось. Собесѣдниками были: студентъ, декламировавшій стихи изъ Эдипа въ Афинахъ; офицеръ, рассказывавшій какой-то занимательный случай про своего батальоннаго командира; господинъ во фракѣ, ничего не рассказывавшій, но зато весьма много кутившій; молодой человекъ, горячо спорившій съ другимъ, не старымъ человекомъ, о томъ, что Александръ Македонскій дѣйствительно былъ Александръ Македонскій, а не какой-нибудь миѳъ; господинъ, лежавшій на диванѣ, называлъ товарищей своихъ не иначе, какъ Коля, Саша и Ваня. Столъ, передъ которымъ они сидѣли, былъ уставленъ посудой и кушаньями самыми разнородными: тутъ было и блюдо съ остатками винегрета, и

чайники, и бутылки, и стаканъ съ недопитымъ глинтвейномъ; хлѣбное лежало вмѣстѣ съ остаткомъ поросенка подъ хрѣномъ, а рябчикъ плавалъ въ тарелкѣ съ зелеными щами. Словомъ, взглянувъ на все это, сейчасъ можно было догадаться, что у всякаго изъ собесѣдниковъ былъ свой особенный вкусъ.

— Ну, господа; кому угодно со мной на беледрясѣ, сказалъ господинъ, находившійся въ лежащемъ положеніи.

— Я, ваше сіятельство, я, раздалось нѣсколько голосовъ вдругъ.

— Пойдите, — кто-нибудь одинъ; нельзя же всѣмъ.

— Дадите, князь, 30 впередъ, замѣтилъ студентъ, такъ я сыграю, а то нѣтъ, слуга покорный.

— Впередъ ничего, замѣтилъ князь, вставая и потягиваясь.

— Пойдемте со мной, про знесъ самонадѣянно офицеръ.

— Съ кѣмъ? Съ тобой? Ну, пойдѣмъ, на бутылочку, что ли?

— Пожалуй.

— Ай-да Саша! вотъ люблю, — идемъ, и все общество послѣдовало въ бильярдную.

Въ князѣ Павелѣ Павлычѣ узналъ того самаго господина, котораго онъ видѣлъ въ собраніи и за которымъ отправился покурить. Такъ здѣсь и бильярдъ есть? спросилъ онъ у половаго, который подавалъ ему жаркое.

— Какъ же-съ, есть; была и машина, всякія авертюры играла, да вышло запрещеніе отъ начальства, такъ хозяинъ и продалъ ее, ни за что пошла; убытки большіе понесъ; можно сказать— даромъ отдалъ.

Въ это время въ комнату вошло новое лицо: высокій, плечистый дѣтина, лѣтъ 30 ти, съ рыжими, довольно рѣдкими волосами, оловяные глаза его почти не мигали, а искривившійся немного на сторону ротъ изображалъ улыбку. На немъ были нанковые панталоны и длинный казинетовый сюртукъ, застегнутый до-верху, что придавало владѣльцу его видъ степеннаго человѣка, и этому не мѣшали даже двѣ заплаты: одна на спинѣ, пониже лопатки, а другая возлѣ самаго обшлага, на лѣвомъ рукавѣ,— заплаты, сдѣланныя изъ совершенно новой матеріи того же казинетоваго достоинства. Въ рукахъ онъ держалъ теплый суконный картузъ, съ козырькомъ на военный манеръ. Войдя въ двери, казинетовый сюртукъ быстро окинулъ

комнату своими оловянными глазами и, завидя чуйку, съ видимымъ почтеніемъ приблизился къ ней, протянувъ свою красную, толстую руку, которая скорѣй-бы могла служить воротомъ для поднятія какой-нибудь тяжести, нежели для того, чтобы брать за руки другихъ. Несмотря на это, чуйка молча подала ему свою, кивнувъ головой на пустой стулъ, стоявшій рядомъ.

— Чайкомъ занимались? сказалъ казинетовый сюртукъ, садясь на указанное мѣсто.

— Да, отъ нечего дѣлать, отвѣчала чуйка; не хочешь ли чашечку. И, не дожидая отвѣта, онъ постучалъ крышкой чайника о полоскательную чашку. На этотъ звукъ половой, стоявшій возле, наклонилъ голову и лѣвымъ ухомъ чуть-чуть не задѣлъ чуйку по носу.—Поддай еще чашечку, да кипяточку подлей, произнесла чуйка.

— Благодаримъ покорно; сейчасъ только пили, отозвался казинетовой сюртукъ.

— Не бѣда, не хмѣльное. Ну что? Есть-ли деньжонки?

— Благодаря Бога, есть, только небольшія. Одно-то дѣльце, правда, и порядочное-бы было, да какъ то съ рукъ неидеть.

— Какое?

— Одинъ господинъ просилъ продать имѣньице тысячь въ 15 серебромъ, и благодарность посулилъ изрядную; оно-бы было изъ чего и хлопотать, да охотника нѣтъ.

— Такъ. Ну, а, помнишь, тѣ вещицы-то сбылъ, что-ли?

— Какія?

— Ну да тамъ часы, серги, полотно, еще что-то ты показывалъ...

— Нешто! давно-съ; еще передъ Филиповками.

— И барыша взялъ?

Да еще какого! и не чаялъ... Подскочилъ какой-то городской, мы съ нимъ предварительно выпили прилично, — онъ и сторговалъ у меня огуломъ.

— На чистые?

Какъ есть на чистые; ужъ такая выпала лафа.

— Не то что лафа, — а выждалъ время, на охотника значить напалъ, замѣтила лукаво чуйка.

— Безъ этаго нельзя, — дѣло торговое: знай когда купить, когда продать, да и кому что показать.

— Правда, правда. На что по нашей части,

по книжной, кажется, дѣло явственное, честное: всякій самъ можетъ оцѣнить вещь, такъ нѣтъ,—также разбирай покупателя. Одинъ говоритъ просто,—мнѣ нужно ариѣметику, ну, ужь сейчасъ и понимаешь; что за гусь, такую и подаешь; знаешь — при этомъ чуйка сдѣлала знакъ рукой, какъ будто выдираетъ изъ книги листъ; ну, а другой спроситъ ту же ариѣметику, только другимъ манеромъ;—смотри, скажетъ, чтобы въ ней было и сложеніе, и вычитаніе, и другія правила;—тутъ уже опять понимаешь, что за человекъ, и подаешь ему другую, у которой только заглавный листокъ помаранъ, значитъ что была казенная, и запрашиваешь поменьше.

— Совершенно такъ; дѣло понятное—вся сила въ покупатель. А что позвольте спросить, вы еще не продали толстую-то книгу; романъ что-ли какой, безъ середины-то?

— Да! Ну вотъ тебѣ: онъ у меня года полтора валялся, нейдетъ съ рукъ хоть ты что хочешь. Кто ни взглянетъ:—заглавіе-то, говоритъ, славное, да и сочинитель не дюженный; начнетъ перелистывать,—все хорошо, торгуется; а какъ доберется до 105 страницы, да увидитъ, что за ней слѣдуетъ 316,—такъ и бро-

силь; жаль скажетъ,—книга хорошая, да не вся,—и проч. и проч. Что дѣлать? Я и придумалъ... Была у меня общая географія, точь-въ-точь, какъ этотъ проклятый романъ, и форматомъ и бумагой; я взялъ нужное то количество страницъ изъ нея и вырвалъ да и переплелъ въ романъ; три четвертака за одинъ переплеть далъ. Чтожъ бы ты думалъ? и недѣли не прошло, какъ сбылъ какой-то прїѣзжей барынѣ; у ней, видишь, тамъ дочки есть въ деревнѣ, такъ имъ читать.

— И хорошее дѣло-съ; поступили безвредно.

— А вотъ я тебѣ скажу: у меня прїятель былъ изъ Охотнаго, Тарасычъ, тотъ еще лучше сдѣлалъ. Была здѣсь какая-то княгиня, страшная охотница до болонокъ; у ней штукъ 20 было разнаго сорту—цѣлый комплектъ, вдругъ одна и потратилась, то есть, просто сказать, собаки загрызли. Объ этотъ дѣлъ узнала княгиня, и согнала компаньонку съ такимъ аттестатомъ, что бѣдная по-сю-пору безъ мѣста; а сама-то въ постель слегла, никого и на глаза не пускаетъ. Въдь бываютъ же такіе, съ придурью; изъ-за какого-нибудь пса и себя и людей тревожатъ. Тарасычъ и провѣдалъ, да къ ней: — я, говорить, ваше сіятельство, вашей милости точно

такую же предоставлю; не извольте по пустому-то беспокоиться и себя убивать. Она долго не вѣрила, потомъ согласилась и приказала принести болонку. Онъ на другой же день принесъ, въ-самомъ-дѣлѣ, и потрафилъ точь-въ-точь, какъ прежняя такая же бѣлая, чесанная и кличка таже. Ну, успокоилась моя барыня, собачонка стала любимая; а заплатила-то она за нее около 30 серебромъ. Кормить на убой, и съ рукъ не спускаетъ. Разъ сидитъ она съ ней на диванѣ, а кто-то и вошелъ въ комнату, собаченка-то и хотѣла залаять, да вдругъ, какъ трр... какъ будто что распоролось; княгиня глядь, а у собаченки на брюхѣ шкура лопнула и нитки висятъ.... Чтожъ-бы ты думалъ? Тарасычъ-то простова щенка зашилъ въ болоночную шкуру; какъ онъ сталъ подростать, ему и сдѣлалось тѣсно, чужая-то шкура и лопнула. Вотъ такъ молодецъ, прибавила чуйка; а я что?

— Значить, знаетъ свое дѣло, прибавилъ казинетовый сюртукъ; такая штука не всякому на умъ взбредетъ.

— Ну, оставайся, если хочешь—допивай,—деньги я заплатилъ, а мнѣ некогда. Тутъ недалеко вчера умеръ какой-то студентъ, надо поразузнать: не осталось-ли подержаной философіи,—есть покупатель.

— А мнѣ надо подождать человѣзка. Черезъ часъ хотѣлъ зайти.

— Такъ оставайся, прощай!

— Наше вамъ...

— И чуйка и казинетовый сюртукъ снова пожали другъ другу руки.

Во все продолженіе описаннаго нами разговора между двумя двигателями площадной торговли и промышленности Павелъ Павлычъ крѣпко прислушивался къ нимъ. Такъ вотъ они, люди то, которыхъ мнѣ нужно, подумалъ онъ; вотъ когда-бы съ ними Богъ привелъ сойтиться да познакомиться покороче, — такъ ужъ былъ бы человѣкъ, — есть чему поучиться.. И Павелъ Павлычъ невольно взглянулъ на казинетовый сюртукъ, и невольно сдѣлалъ къ нему движеніе вѣсомъ своимъ корпусомъ. Между-тѣмъ казинетовый сюртукъ безмятежно подливалъ изъ большаго чайника въ маленькій кипятку, и, казалось, отъ души желалъ каждому человѣку всякаго удовольствія..

Павелъ Павлычъ кашлянулъ.

Казинетовый сюртукъ обошелся съ своимъ носомъ. Молчаніе.

Наконецъ; Павелъ Павлычъ плюнулъ, и съ видомъ человѣка, который рѣшается прыгнуть

съ колокольни, спросилъ нетвердымъ голосомъ:—
позвольте узнать, что это за печатный листъ
лежитъ у васъ на столѣ?

— Полицейская газета; прикажите-съ! и ка-
зинетовый сюртукъ уже протянулъ руку, чтобы
подать газету.

— Нѣтъ-съ, мнѣ ненадо, покорно васъ бла-
годарю; я только спросилъ, — поспѣшилъ отвѣ-
тить Павелъ Павлычъ, подвинулся ближе къ ка-
зинетовому сюртуку; смѣю спросить, продол-
жалъ онъ, вы здѣшній, московскій?

— Никакъ нѣтъ-съ; подольскій, только про-
живаемъ здѣсь.

— Если не ошибаюсь,—по торговой части?

— Да-съ; разныя дѣла дѣлаемъ; а вы?

— Я пріѣзжій.

— Такъ-съ. И казинетовый сюртукъ въ свою
очередь подвинулся къ Павлу Павлычу.— Долж-
но быть помѣщики-съ; изволили пріѣхать на
зиму хлѣбца продать, да погулять по Бѣлока-
менной; можно сказать—единственный годъ.

— Нѣтъ-съ; я пріѣхалъ дѣла дѣлать.

— Такъ-съ. Часто изволили здѣсь бывать
прежде?

— Въ первый разъ только.

— Только-съ; — и казинетовый сюртукъ по-

двинулся еще ближе и сидѣлъ уже рядомъ съ Павломъ Павлычемъ;—а можно знать въ чемъ состоятъ ваши дѣла? Какая-нибудь тяжба по присутственнымъ мѣстамъ, или въ сенатѣ?

— Вовсе нѣтъ. Я, изволите видѣть, хочу чѣмъ-нибудь заняться, такъ, хоть бы по торговой части; у меня и капиталаецъ есть, правда небольшой, ну, все-таки есть?

— Дѣло доброе. А много ли вамъ желательно пустить въ оборотъ, т. е., примѣрно, какую сумму?

— Да такъ; на первый разъ хоть-бы скольконибудь.

— Однако, тысячи полторы можете?

— Отчего же; можно и полторы.

— Да-съ; капиталъ хорошій; подняться можно,—есть-съ чего... Не прикажете ли чайку?

— Покорно благодарю! Я сей-часъ только отобѣдалъ.

— Ничего-съ; я велю двѣ парочки, а тѣмъ временемъ мы потолкуемъ .. И казинетовый сюртукъ велѣлъ подаль двѣ пары со сливками.

— Такъ въ разсужденіи какого же дѣла угодно вамъ заняться. . касательно желѣза, хлѣба, или еще чего?

— Право, не знаю; какъ вы думаете, чѣмъ повыгоднѣе?

— По выгоднѣе, — повторилъ казинетовый сюртукъ, какъ-бы раздумывая — повыгоднѣе; — а вотъ извольте видѣть, я вамъ доложу... вы гдѣ остановились?

Павелъ Павлычъ назвалъ гостинницу и №.

— Позвольте записать: — казинетовый сюртукъ вытащилъ изъ задняго кармана замасленный лоскутокъ сѣрой бумаги, а изъ боковаго карандашъ, и записавъ сказанное, показалъ притомъ что онъ въ открытой враждѣ не только съ словосочиненіемъ но даже и съ словосложеніемъ.

— Нынче, я вамъ доложу, продолжалъ онъ, укладывая карандашъ и бумагу на прежнія ихъ мѣста, — всякая торговля, какого бы она роду ни была, даже хоть бы папиросами, дѣло просто дрянъ; не ведетъ ни къ какому приращенію капиталовъ и опреча убытку ничего не приноситъ. Народъ не тотъ сталъ, — избаловался; все подавай ему первый сортъ, а на второй, да на третій и не глядитъ. Разсудите сами: какая же тутъ будетъ польза купцу; огуломъ-то онъ и худое и хорошее покупаетъ, зато ему и уступка, а сортировать товаръ тоже не приходится, который-нибудь сортъ залежаться мо-

жетъ, — такъ онъ и сбываетъ его съренькимъ, тутъ опять бѣда — покупатель обѣгаетъ; а за лавку, да приказчикамъ плати, да въ долгъ отпуская, безъ кредита много не наторгуешь, всякъ наровить у тебя набрать на книжку, а получка-то, гдѣ она, когда? Съ позволенія сказать, когда чортъ умретъ... вотъ оно что-съ!.. времена не тѣ... Иностранные товары изнѣжили; тамъ, говорятъ, чище работаютъ. Оно, извѣстно, чище, какъ на 5 человекъ приходится полтора аршина земли,—поневоля будешь чисто работать; а у насъ что? Слава тебѣ Господи! всякій дома, на печкѣ, своего хлѣба не поѣстъ; такъ изъ чего-же онъ будетъ себя неволить и перенимать у какого-нибудь Англичанина, да смотрѣть ему въ зубы хоть-бы по фабричной части, или по какой ни-на — есть мануфактурѣ...

— Стало быть, нынче разжиться нельзя? спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Э, нельзя. — Какъ нельзя! Да нынче-съ небольшими деньгами можно копѣйку такую зашибить, что и правнукамъ останется.

— Какимъ же манеромъ?

— Для этого много есть манеровъ, только я по душѣ скажу вамъ: торговля — дѣло послѣднее.

— Удивительно, не понимаю!

— Нѣтъ-съ! оно удивительнаго, признательно сказать, ничего тутъ нѣтъ; нужно только деньги, умъ, да сноровку; и деньги-то на первый разъ не большія. Вотъ мой шуринъ, по прозванію, Обдувалкинъ, сперва торговалъ знатно; два магазина содержалъ съ краснымъ товаромъ, приказчиковъ; лошадей; бывало выѣдетъ въ городъ—заглядѣнье, да вдругъ и свихнулъ: такъ грѣхъ попуталъ. Приставили, какъ слѣдуетъ, конкурсъ,—судили, судили, да и присудили: продать все имѣніе съ публичнаго торга и удовлетворить кредиторовъ; а остальную затѣмъ сумму—возвратить ему, Обдувалкину; ему и пришлось никакъ всего 300 серебромъ. Вотъ онъ не будь глупъ, да на эти деньги-то и открой комиссіонерскую контору; ну, знаете, всѣ къ нему и бросились; думаютъ себѣ: вотъ какой благодѣтель выискался,—и купить, и продасть, мѣсто отыщеть кому нужно. Въ день то чело-вѣкъ 30 запишится, а за записку — будетъ ли что, не будетъ-ли, а денежки отдай. Теперь опять пошолъ жить;—значить умъ есть.

Павелъ Павлычъ задумался.

Казинетовый сюртукъ, немного погода, продолжалъ: а то, вотъ еще:—въ прошломъ году

два какихъ-то барина, и собой не мудрые, тоже славныя штуки выкинули: одинъ снялъ на всю масляницу самокатъ овальнаго хода, знаете, что подъ Новинскимъ бываетъ; да нѣтъ, правда я и забылъ, что вы не здѣшній, — вамъ нельзя знать. Дѣло-то оно еще, выходитъ, небывалое; были самокаты и прежде, да не съ овальнымъ ходомъ; ну, и понабралъ на порядкахъ; — а другой снялъ на лѣто купальни. Здѣсь городъ; въ въ рѣкѣ то полоскаться предосудительно, да и не велятъ; ну, а въ купальнѣ настоящее дѣло; въ лѣтнее время доходъ славный.

— И то правда; ну, а чѣмъ бы теперь-то заняться, какъ вы думаете? Научите, пожалуйста; я здѣсь человѣкъ новый; моя благодарность... будьте увѣрены.

— Такъ и быть, извольте. Вижу, человѣкъ вы кажется, хорошій; незнаю отчего, а вы мнѣ очень полюбились: другому, ей Богу, ни за что-бы не сказалъ... Люди такіе стали, что и говорить не хочется, — насулять, наобѣщаютъ золотыя горы, — а послѣ и гроша мѣднаго не получишь, да еще тебя же на всѣхъ перекресткахъ ругаютъ; и потому теперь, извините, на совѣсть не полагаюсь. Я самъ человѣкъ семейный, — квартира, дрова, на все нужны деньги, сами извольте знать.

— Неужели есть такіе неблагодарные, что не помнятъ добраго дѣла, замѣтилъ съ видимымъ участіемъ Павелъ Павлычъ.

— Еще какіе есть! Иной такимъ мелкимъ бѣсомъ разсыплется, что, кажется, душу готовъ отдать, не то-что какихъ-нибудь 100, 200 рублей, да послѣ и не кланяется; я и думаю себѣ: нѣтъ, такъ невыгодно; пожалуйте-ка половину денежекъ впередъ, а на остальные росписочку. Напримѣръ, хоть-бы теперь съ вами: я могу предоставить вамъ, можно сказать, ни за что 5 т. серебромъ; развѣ вы мнѣ не дадите 1 т. за хлопаты, тогда-какъ у васъ остается еще 4, которыя пришли совершенно даромъ, просто съ неба свалились.

— Разумѣется дамъ, отвѣчалъ Павелъ Павлычъ, задыхаясь отъ восторга. Только скажите.

— Вотъ въ томъ-то и штука. Изволите видѣть: одинъ баринъ, дня три тому назадъ, проигрался и ему до зарѣза нужно тысячу рублей, а то его, раба Божьяго, стащутъ и во временную; понимаете, куда прячутъ за долги. У этого барина возлѣ самага рынка есть домъ, большой, каменный, съ лавками внизу и трактиромъ на верху, тысячъ 20 стоитъ; ему и хочется его продать хоть за 5, съ тѣмъ, чтобы

1,000 руб. сейчасъ ему заплатить, а остальные чрезъ три года, по 6% въ годъ. Баринъ-то онъ богатый, такъ ему, знаете, и ничего; можно и съ обожданьемъ.

— Хорошо; но вѣдь у меня нѣтъ 5 тысячъ.

— Да на что же они вамъ! и не надо. Мы сей-часъ домъ побоку, въ залогъ за 3 т. Онъ бы и самъ это сдѣлалъ, да ему не хочется страчиться; меня, говорить, все знаютъ, а я буду домъ закладывать; лучше продать, за что ни продать; а съ трактиромъ, да съ лавками—домъ не дурной—тысячи 3 доходу можетъ дать: такъ вѣдь это какіе проценты, разсудите?

И казинетовый сюртукъ замолчалъ, какъ бы давая Павлу Павлычу время разсудить.—Впрочемъ я только по откровенности къ вамъ желалъ-бы услужить, продолжалъ онъ, а то какъ угодно; мнѣ все равно. И опять послѣдовало молчаніе.

Въ это время Павелъ Павлычъ принялъ видъ чловѣка разсуждающаго съ самимъ собою.— Домъ стоитъ 20 т., а пріобрѣсть его можно за 5 т.; хорошо, весьма хорошо, думалъ онъ; домъ доходный, и, притомъ, не на чистыя деньги .. очень выгодно. А между-тѣмъ въ лѣвое ухо кто-то шепталъ ему: не зѣвай, Павелъ

Павлычъ, случай славный, пользуйся, а то другой купить, да потомъ продасть, да барыша возьметъ. Не зъвай!

— Такъ это дѣло вы беретесь уладить? мой почтеннѣйшій, сказалъ, наконецъ, Павелъ Павлычъ, протягивая руку казинетовому сюртуку; ужъ какъ бы я благодарилъ васъ.

— Я вамъ докладываю въ чемъ дѣло, смотрите сами; тутъ фальши никакой быть не можетъ. Поѣдьте завтра вмѣстѣ и посмотрите домъ, да и про доходъ отъ жильцовъ поразузнаете. Только ненадо говорить, что вы покупатель, а то, чего добраго, перебьютъ; здѣсь такой народъ. Что же касается до благодарности, то комиссію я съ васъ положу тысячу рублей; 500 впередъ, а остальные на росписочку, гдѣ и упомянете, что по покупкѣ дома обязаны мнѣ выдать столько-то. На всякій случай извольте записать мой адресъ: въ Кривомъ переулкѣ, домъ Подлипаловой; спросить Ардальона Степанова Ковыркина. — Павелъ Павлычъ записалъ адресъ Ковыркина въ своей памятной книжкѣ. — Завтрашняго числа я у васъ часа въ четыре буду; отведу васъ въ этотъ самый домъ; понравится, — вы мнѣ денежки, да росписочку; значить, дѣло надо пускать въ ходъ; оно и бу-

детъ на чистую, т. е. безъ всякихъ фантазій съ обѣихъ сторонъ; не понравится,—извините, что обезпокоилъ понапрасну; еще что-нибудь прищемъ.

— Васъ, сударь, кто-то спрашиваетъ на лѣстницѣ, сказалъ вошедшій половой, обращаясь къ казинетовому сюртуку.

— Кого? меня? А! знаю; сей-часъ, до пріятнаго свиданія, до завтрашняго дня; сказалъ онъ, раскланиваясь: потрудитесь отдать за чакъ-то съ; а послѣ сочтемся, сомной мелкихъ нѣтъ,—не захватимъ.

— Полноте, что вы? Я отдамъ, только ужъ вы мнѣ, пожалуйста, устройте.

— Напрасно изволите безпокоиться, дѣло обоюдное. Мое вамъ нижайшее,—и казинетовый сюртукъ скрылся.

Все—дѣло случая; рѣшительно все,—думалъ Цавель Павлычъ, оставшись одинъ. Приди я сюда часомъ позже, или часомъ раньше,—ничего-бы и не было; не встрѣтилъ-бы я здѣсь этаго добраго человѣка, ни познакомился-бы съ нимъ и никогда не узналъ-бы, что проигравшійся баринъ продаетъ такъ выгодно домъ; мнѣ-бы этого и въ голову не пришло. А теперь я все знаю и можетъ быть... нѣтъ, этого

неможетъ быть! А отчего же не можетъ быть?— Дѣло ясное: обману тутъ быть никакого не можетъ. Да и какая польза этому Ковыркину меня обманывать? Вѣдь онъ съ меня за это денегъ не взялъ, да я и не даль-бы. Богъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ! А вотъ, какъ посмотрю самъ, побываю въ домѣ, да поразузнаю о доходахъ,—ну, тогда, разумѣется, отчего же и не дать половинку, только хлопочи; вѣдь и ему, въ самомъ-дѣлѣ, пить и ѣсть надо, а вѣрить всякому онъ не обязанъ, особливо, когда, можетъ статья, не разъ на бобахъ то сидѣлъ; по неволѣ остережешься и захочешь половиннаго обезпеченія. Нѣтъ, нѣтъ, что ни говори, и все дѣло случая... и Павелъ Павлычъ самодовольно посмотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ половаго.—Сколько за чай? спросилъ онъ.

— 25 копѣчекъ.

— Ну, вотъ тѣбѣ и за обѣдъ, и за чай, а это на водку.

Половой шаркнулъ.

— Да покажи-ка, гдѣ у васъ бильярдъ, прибавилъ Павелъ Павлычъ, вставая съ мѣста, я до смерти люблю эту игру.

— Пожалуйста-съ. Шубу и калоши я захва-

чу. Павелъ Павлычъ отправился въ бильярдную.

Въ большой комнатѣ, раздѣленной колоннами и установленной по стѣнамъ узенькими диванами, съ небольшими приступочками, стояло два бильярда; на одномъ изъ нихъ какой-то чиновникъ, въ довольно поношенномъ вицъ-мундирѣ, съ свѣтлыми пуговицами, игралъ съ другимъ чиновникомъ, тоже со свѣтлыми пуговицами и оба, по видимому, были взволнованы предметомъ совершенно постороннимъ, въ видѣ померанцевой горечи. У другаго стоялъ князь, съ кіемъ въ рукахъ, и уговаривалъ офицера, знакомаго ужъ намъ Сашу, сидѣвшаго на диванѣ съ трубкой, сыграть еще партіюку.

Въ это время вошелъ Павелъ Павлычъ.

— Какой ты, братецъ, кулакъ, — продолжалъ князь, — не хочешь сдѣлать ни какого удовольствія пріятелю.

— Сказалъ не буду, такъ небуду, отвѣчалъ упрямый Саша; развѣ впередъ дашь?

— Пожалуй, дамъ, — и князь началъ ставить шары.

— Сколько?

— Десять.

— Пятьдесятъ девять.

— Маркеръ захохоталъ, офицеръ тоже. Князь бросилъ кій и пошелъ къ двери, весьма раздосадованный выходкою пріятеля.

— Не угодно-ли, ваше сіятельство, со мною, робко произнесъ Павелъ Павлычъ. Извините, я плохо а, впрочемъ, если угодно!...

— Князь окинулъ его глазами.—Вы, можетъ быть, хорошо играете, а я не совсѣмъ... вамъ будетъ скучно.

— Нельзя сказать, ваше сіятельство, чтобы я игралъ хорошо; такъ-съ, посредственно. Я вамъ доложу... у насъ въ городѣ..

— Вы пріѣзжій?

— Точно такъ.

— А, а! и князь приказалъ маркеру поставить шары. Почему-же мы будемъ играть? по большой я играю только тогда, когда вхожу въ азартъ.

— Очень хорошо-съ; я самъ играю по маленькой даже ни почему, если угодно.

— Нѣтъ, такъ скучно; даромъ я не люблю; всякая игра занимательна, когда она съ интересомъ. По полтиннику, хотите?

— Извольте-съ. Павелъ Павлычъ взялъ кій; потомъ спросилъ подпилокъ, подчистилъ, подмѣлилъ его, съ видомъ человѣка; понимающаго

дѣло, и въ заключеніе приготовленій—помазалъ мѣлкомъ между указательнымъ и большимъ пальцами лѣвой руки.

— Позвольте, сказалъ князь; когда Павелъ Павлычъ хотѣлъ выставить шары, позвольте! Вы мнѣ дадите что-нибудь впередъ? Я вамъ сказалъ, что я плохо играю; стало быть... въ это время офицеръ закашлялся, а маркеръ обернулся къ стѣнѣ и взялъ машинку.

Павелъ Павлычъ улыбнулся. — Я, право, не знаю,—сколько-же вамъ дать.

— Ну, хоть 15, иначе я не играю. Князь положилъ кій на середину билліарда, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ удалиться.

— Извольте съ; 15 могу. Офицеръ подозвалъ маркера и что-то шепнулъ ему на ухо, на что маркеръ покачалъ отрицательно головою.

Игра началась. Павелъ Павлычъ показалъ все свое искусство въ бильярдной игрѣ, дѣлая при этомъ такія движенія корпусомъ и руками, что оба чиновника, глядя на него, не разъ оставляли игру свою и даже забывали, кому слѣдовало играть. Всего болѣе имъ нравилась поза, когда Павлу Павлычу приходилось дѣлать шаръ отъ борта; при этомъ онъ такъ перегибался назадъ и съ такой силой толкалъ свой шаръ,

что послѣ такого удара маркеръ непременно подходилъ къ бильярду и осматривалъ — не прорвано-ли сукно.

Но Павелъ Павлычъ игралъ осторожно; онъ даже ни разу не стиксовалъ и, сыгравъ партію, остался побѣдителемъ.

— Кушъ несчастливъ. Идетъ по рублику? сказалъ князь.

— И по рублику идетъ, отвѣчалъ Павелъ Павлычъ.

Вторую партію князь игралъ еще хуже: то промахъ дастъ, то стиксуетъ, то выброситъ шаръ за бортъ, который одинъ разъ даже задѣлъ по ногѣ чиновника, менѣе взволнованнаго, на что чиновникъ весьма разсудительно замѣтилъ: что такъ можно и въ окно попасть.

— Ну, третью, сказалъ князь, проигравъ вторую.

— Извольте, отвѣчалъ Павелъ Павлычъ — и третью выигралъ.

Князь бросилъ кій. Павелъ Павлычъ получилъ деньги.

— Саша! повѣдемъ домой, что-то не везетъ.

— А еще партійку, замѣтилъ Павелъ Павлычъ, — не угодно-съ?

— Нѣтъ-съ, не буду. Игра-то пустая, не

стоитъ; если-бы по серьезнѣе, — рубликовъ по 10, пожалуй.

По 10-ти подумалъ Павелъ Павлычъ; отчего же не попробовать счастья? Надо во всемъ попытать; играетъ-то онъ незавидно, даромъ—что князь. Притомъ-же чуть-что, я и бросить могу.

— По 10-ти? повторилъ онъ вслухъ, — извольте.

Князь вынулъ 10 рублевую бумажку и отдалъ маркеру за руки. Павелъ Павлычъ сдѣлалъ тоже. Въ это время князь не безъ удовольствія замѣтилъ порядочное число пеструшекъ, которыя наполняли красный сафьянный бумажникъ Мурашкина.

Игра опять началась и Павелъ Павлычъ опять выигралъ.

Князь бросилъ кій, но, подумавъ немного, выкинулъ 25 рублевую бумажку и дрожащимъ голосомъ спросилъ:—не хотите-ли ужъ и эту взять; посмотрите, такъ и просится.

Дѣйствительно Павлу Павлычу показалось, что бумажка подняла одинъ уголокъ и жалобно говорила: баринъ, возьми, пожалуйста, и меня.

Сама просится, подумалъ Павелъ Павлычъ, а князь-то въ азартъ входитъ. Отчего не взять? Деньги чистыя, да и нажить-то ихъ средство

пустяк... Соблазнъ, да и только. Павелъ Павлычъ искусился, вынулъ 25-ти рублевую и игра опять завязалась. Но на этотъ разъ, послѣ втораго удара, у Павла Павлыча вдругъ задрожала рука и онъ не попалъ въ шара.

— Первое правило забыто, замѣтилъ равнодушно князь и поставилъ свой шаръ на перекасть.

Павелъ Павлычъ поблѣднѣлъ; послѣ 4-хъ ударовъ обѣ бумажки перешли отъ маркера къ князю.

Еще угодно? спросилъ князь.

Павелъ Павлычъ не отказался, приписывая свой проигрышъ случайности. Въ слѣдующую за тѣмъ партію Павелъ Павлычъ сконфузился.

— Какъ, сухая? замѣтилъ офицеръ.

— Пожалуйста, молчи, въ кои-то вѣки удалось и то хочется сглазить, замѣтилъ князь, стараясь казаться серьезнымъ.

Павлу Павлычу стало жаль отданныхъ имъ денегъ, и онъ уже самъ предложилъ сыграть еще, и опять проигралъ, сдѣлавши не болѣе 30 очковъ.

— Угодно еще? спрашивалъ хладнокровно князь.

— Извольте, отвѣчалъ взволнованный Павелъ Павлычъ, въ надеждѣ воротить проигранное.

Такимъ-образомъ игра затянулась и Павелъ Павлычъ проигрывалъ уже 9-ю двадцатипятирублевую, какъ вдругъ кто то шепнулъ ему сзади бросьте играть: это извѣстный игрокъ и вы ему проиграете все, что у васъ есть. Павелъ Павлычъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ тотъ самый господинъ, который освѣдомился объ его здоровьѣ и жилъ въ одной съ нимъ гостинницѣ. Павелъ Павлычъ послушался, кончилъ игру; князь и офицеръ уѣхали.

— Какъ это вы связались съ этимъ княземъ. Онъ лучшимъ игрокамъ даетъ по 30 впередъ— замѣтилъ добрый человекъ, обращаясь къ Павлу Павлычу съ видимымъ участіемъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, извините, что я позволилъ себѣ предупредить васъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ сконфуженный Мурашкинъ, помилуйте; я вамъ очень благодаренъ, вы мой спаситель. Я не могъ предполагать, что-бы князь воспользовался до такой степени моей неопытностью и сталъ-бы передомной притворятся.

— Это и видно, что вы еще новичекъ и не знаете всѣхъ здѣшнихъ штукъ; ужъ если князь, такъ вы думаете, что долженъ быть честный человекъ, какъ-бы не такъ; другой князь толь-

ко называется княземъ, а душонка-то у него меньше булавочной головки.

— Вотъ, послѣ этого и узнавай людей.

— Охота-же вамъ искать ихъ по трактирамъ. Порядочный человекъ если и зайдетъ сюда, такъ развѣ только пообѣдать, закусить, или такъ, отъ нечего дѣлать, а не играть на бильярдѣ, да обирать ближнихъ. Въдѣ трактиръ, не то что какой-нибудь клубъ, гдѣ каждого знаешь вдоль и поперегъ; а если чуть замѣшался какой нибудь двусмысленный, такъ его и часу не станутъ держать; сей-часъ голубчика и вонъ, и вонъ.

— А это что такое клубъ, спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Клубъ, —это почти то же собрание, только дамъ тамъ не бываетъ. Вы пріѣзжаете—угодно вамъ играть въ карты,—играйте, партія есть, не угодно—читайте всевозможные журналы, не исключая даже иностранныхъ,—къ вашимъ услугамъ. Не угодно читать, ходите, говорите, курите трубку, ужинайте, пейте чай—словомъ, дѣлайте все, что угодно, и когда угодно, никто вамъ не помѣшаетъ, вы дома, вы совершенно свободны; разумѣется, только нельзя быть въ халатѣ.

— А по какимъ днямъ туда можно?

— Хоть всякій день; запишитесь членомъ и ѣздите. Да ужъ общество-то одно чего стоитъ; изъ одного того, чтобы быть между порядочными людьми, записаться можно. Ну-да-какъ бы то нибыло: членъ клуба, это имѣетъ свою пріятность. Можете сами привозить гостей, и нѣкоторымъ образомъ дѣлаетесь хозяиномъ.

— Вы членъ?

— О, нѣтъ! знаете, все собираюсь, да и пріѣзжаешь-то сюда не на долго, по дѣламъ, такъ оно некогда.

— Скажите, какъ-же мнѣ туда записаться?

— Очень просто. Завта утромъ поѣзжайте хоть въ купеческій, хоть въ дворянскій, въ какой хотите; заплатите 18 рублей, вамъ выдадутъ членскій билетъ и вы—членъ клуба.

— И это такъ легко. Я думаю, лучше въ дворянскій?

— Да, разумѣется, но, знаете.... въ купеческомъ бываютъ иногда маскарады.

— А! тамъ и маскарады бываютъ? перебилъ, испугавшись, Павелъ Павлычъ.

— Да, только въ купеческомъ.

— Такъ ужъ я лучше въ дворянскій запи-

шусь, а то эти маски найдутъ; Богъ съ ними, не надо.

— Какъ хотите.

— Я вамъ чувствительно благодаренъ, и вы много обязали-бы, если-бы съѣздили со мной; я человѣкъ новый, не знаю.

— Полноте, полноте, какъ вамъ не стыдно. Я съ большимъ удовольствіемъ къ вашимъ услугамъ; да мы, кажется, и живемъ рядомъ. Ваша фамилія?

— Мурашкинъ.

— Отставной поручикъ Кизляркинъ.

— Очень радъ познакомится.

— И я также. Вы теперь куда? Домой?

— Домой-съ

— Поѣдте вмѣстѣ; у меня денной, съ по-лозью.—Какой прекрасный человѣкъ этотъ поручикъ, можно сказать, —благодѣтельный; надо съ нимъ познакомиться хорошенько; сей-часъ видно что честный человѣкъ. А князь то? Ай да князь, думалъ Павелъ Павлычъ, сходя съ лѣстницы; а еще князь!

На другой день Павелъ Павлычъ и Кизляркинъ утромъ отправились въ клубъ, гдѣ Мурашкину показавъ всѣ правила, выдали членскій билетъ, и отставной поручикъ, тутъ-же

поздравилъ его членомъ, просилъ записать на 1-й объденный день хорошаго его пріятеля, также пріѣзжаго, г. Побѣдкина, присовокупивъ при томъ, что онъ человѣкъ весьма аккуратный и ведетъ игру самую умѣренную. Павелъ Павлычъ никакъ не могъ предположить, что въ подобныхъ случаяхъ иногда отказываютъ, и тотчасъ же изъявилъ согласіе записать человѣка весьма аккуратнаго. Возвратившись домой, Павелъ Павлычъ, прежде-чѣмъ снялъ шубу и шапку, сдѣлалъ довольно странный вопросъ своему Ильюшкѣ: — Знаешь-ли ты, спросилъ онъ у него, кто теперь твой баринъ? Ильюшка рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Павелъ Павлычъ повторилъ свой вопросъ съ прибавленіемъ дурака; это знакомое словечко, повидимому, вразумило Ильюшку и онъ отвѣчалъ: не могу знать-съ. — Твой баринъ, произнесъ Павелъ Павлычъ, дѣлая при этомъ удареніе на каждомъ словѣ, т. е. я, теперь уже не просто Павелъ Павлычъ Мурашкинъ, а членъ московскаго дворянскаго клуба. И Павелъ Павлычъ началъ скидывать шубу. — Слушаю съ, отвѣчалъ Ильюшка; хорошее дѣло, чѣмъ такъ-то проживаться; какая ни-на есть — все должность, продолжалъ онъ самъ съ собою, кагда баринъ ушелъ въ свою комнату. Давно-

бы пора за дѣло-то приняться, совсѣмъ избаловался. Точно какой миллионеръ.

Въ это время Павелъ Павлычъ своа крикнулъ:—Ильюшка!

— Чего изволите-съ.

— А что, если мы съ тобой здѣсь тысячь въ 20 домъ купимъ?

— Да на что-же мы купимъ-съ.

— Какъ на что? На деньги.

— Кто-же намъ денегъ-то дастъ?

— Какъ кто? Всякій дастъ подъ залогъ дома.

— Котораго-съ?

— Который я купилъ.

— Что это вы, сударь, говорите, право такое? легли-бы немножко отдохнуть, сказалъ Ильюшка, и вышелъ изъ чистой комнаты въ свою, тревожно посматривая на барина въ щелку и какъ-бы ожидая чего то не добраго. Между-тѣмъ Павелъ Павлычъ не обратилъ никакого вниманія на слова Ильюшки и о чемъ-то крѣпко задумался. Вдругъ дверь отворилась и кто-то грубымъ голосомъ спросилъ:—здѣсь живетъ Павелъ Павлычъ?—Ахъ, мое почтеніе! прибавилъ онъ, завидя Мурашкина,—готовы-съ?

— Прошу покорно, милости просимъ! произнесъ Павелъ Павлычъ и голосъ его дрожалъ

отъ волненія. Передъ нимъ стоялъ казинетовый сюртукъ.

— Нѣтъ-съ, извините, заходить мнѣ некогда.—Повѣдте смотрѣть, если хотите, а то не могу, другія дѣлишки есть.

Павель Павлычъ не настаивалъ и тотчасъ-же, надѣвъ шубу, вышелъ изъ номера съ Ковыркинымъ.

У Павла Павлыча не было деннаго съ пользою, а потому онъ взялъ такъ-называемаго Ваньку, уступивъ мѣсто правой стороны казинетовому сюртуку. Павель Павлычъ зналъ приличіе. Онъ даже предложилъ своему спутнику сѣсть попокойнѣе и положить въ сани обѣ ноги, при чѣмъ самъ одну спустилъ наружу. Потомъ, взглянувъ на казинетовый сюртукъ, Павель Павлычъ не безъ участія спросилъ: не холодно ли вамъ? На что получилъ въ отвѣтъ—ничего-съ; мы ужъ такъ привыкли.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, нѣсколько переулковъ и нѣсколько монастырей *, они остано-

---

* Монастырями въ Москвѣ называются мѣста, прилежашія къ приходскимъ церквамъ, на которыхъ большей части находятся дома причта того прихода, и черезъ эти монастыри почти всегда есть проѣзды.

вились на площади, возлѣ большаго каменнаго дома.

— Вотъ вамъ и домъ, сказалъ казинетовый сюртукъ въ полголоса, слѣзая съ саней.

— О, о! да какой большой, замѣтилъ Павелъ Павлычъ, и прочелъ на воротахъ съ одной стороны — Дроздова, такой-то части и квартала, а съ другой — свободенъ отъ постоя.

— Да это еще что, продолжалъ казинетовый сюртукъ, обойдите кругомъ да взгляните на дворъ, какое строеніе. Капиталы, просто капиталы. Постойте, вонъ кто-то вышелъ къ воротамъ. Пойдемте-ка, не узнаемъ-ли чего? И они отправились къ воротамъ. Въ это время маленькій горбатенькій человекъ, съ плутовскими глазами и довольно длиннымъ носомъ, повертывался у калитки и, повидимому, кого-то ожидалъ. Завидя идущихъ къ нему, онъ сдѣлалъ непримѣтный знакъ головою казинетовому сюртуку и, обернувшись въ противоположную сторону, принялъ видъ человекъ солиднаго.

— Вы не здѣшній-ли? робко спросилъ казинетовый сюртукъ, подойдя къ длинному носу.

— Здѣшній конторщикъ; а вамъ кого нужно?

— Да мы, вотъ, изволите-ли видѣть, хотѣли узнать....

— О чѣмъ?

— Домъ этотъ, такъ-какъ мы слышаны, что онъ продается...

— Да, продается.

— За сколько?

— Да тысячь за пять купить можно. Баринъ-то нашъ проигрался, такъ деньги пондобились.

— А много приносить доходу?

— Тысячи двѣ съ половиной даетъ. Одинъ магазинъ платитъ около тысячи, да трактиръ 800, да квартиры есть.

— Такъ-съ.

— А когда можно видѣть барина? спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Во всякое время, только теперь нѣтъ куда-то уѣхалъ.

Казинетовый сюртукъ толкнулъ Павла Павлыча, и оба, раскланявшись съ длиннымъ носомъ, отошли прочь. Павелъ Павлычъ хотѣлъ было садиться на извозчика, но казинетовый сюртукъ его остановилъ.

— Позвольте, сударь, я знаю, что значать конторщики. Народъ этотъ — мошенники, можетъ статья, онъ и сказки рассказываетъ; зайдемте-ка сами и въ трактиръ и въ магазинъ,

да отъ самихъ жильцовъ узнаемъ, что они платятъ. Павелъ Павлычъ не сказалъ ни слова; онъ только подивился честности и благорасположенію казинетоваго сюртука и послѣдовалъ за нимъ первоначально въ трактиръ, гдѣ казинетовый сюртукъ потребовалъ себѣ большой бокалъ очищеннаго и, закусивъ ветчиной съ огурцомъ, распросилъ прикащика обо всемъ подробно и даже узналъ, что контракту, заключенному на 5 лѣтъ, срокъ выйдетъ черезъ 4 года. Павелъ Павлычъ все слышалъ и съ удовольствіемъ заплатилъ деньги за водку. Оттуда они отправились въ магазинъ и тамъ слова длиннаго носа подтвердились. Здѣсь казинетовый сюртукъ взялъ фунтъ жукова да фунтъ леденцовъ дѣтямъ—гостинца, и Павелъ Павлычъ опять съ удовольствіемъ заплатилъ деньги за жуковъ, и за леденцы и покушался было зайти въ смежную съ магазиномъ рыбную лавку, возлѣ которой на скамеечкѣ сидѣлъ толстый старикъ, съ окладистой бородой; но казинетовый сюртукъ не допустилъ Мурашкина до дальнѣйшихъ изслѣдованій. Будетъ съ васъ и этого, сказалъ онъ, а то можно подать подозрѣніе и васъ могутъ перебить въ покупкѣ. Теперь и самимъ смекнуть можно. По-крайней-мѣрѣ вы

видите, что я васъ не обманывалъ. Павелъ Павлычъ былъ въ восторгѣ. Когда они прѣхали въ номеръ, онъ бросился къ казинетовому сюртуку на шею и, оставаясь долго въ такомъ признательномъ положеніи, вынудилъ Ильюшку покачать головой и замѣтить самому себѣ:—баринъ—то, видно, рѣхнулся. Но онъ еще болѣе былъ изумленъ, когда Павелъ Павлычъ, отсчитавъ 500 рублей, отдалъ ихъ казинетовому сюртуку и съ радостью произнесъ:—и такъ, домъ мой!

Казинетовый сюртукъ торопливо положилъ деньги въ карманъ, торопливо раскланялся, и торопливо вышелъ, сказавъ, что завтра онъ зайдетъ сказать, когда можно ѣхать къ барину торговать домъ.

А росписочку—то, росписочку, закричалъ Павелъ Павлычъ, когда казинетовый сюртукъ скрылся. Боже мой! не подумалъ—бы онъ, что я безчестный человѣкъ. Ильюшка! бѣги скорѣй, догоняй.

Ильюшка бросился со всѣхъ ногъ и, возвратившись черезъ четверть часа, объявилъ, что догнать никакъ не могъ, потому—что...

— Потому—что ты дуракъ перебилъ Павелъ Павлычъ и прибавилъ еще какое—то крѣпкое слово.

— Нѣтъ-съ, не потому, а потому-что онъ какъ выскочилъ изъ гостинницы, такъ взялъ извощика и поѣхалъ подъ какія-то Подвязки.

Долго Павелъ Павлычъ безпокоился, чтобы его не почли за челоуѣка безчестнаго, долго бранилъ Ильюшку и наконецъ, заключилъ тѣмъ, что пошелъ къ сосѣду, отставному поручику, и поѣхалъ съ нимъ въ клубъ.

Случалось-ли вамъ, читатели быть когда ни будь въ воскресный день у Сухаревки, или подъ Сухаревкой? Господи твоя воля! Кого и чего только тамъ не встрѣтишь и не найдешь; мнѣ кажется только одного:—это челоуѣка, котораго-бы не хотѣли обмануть. Въ самомъ-дѣлѣ,—загляните когда—нибудь на этотъ рынокъ и рассмотрите его хорошенько, повнимательнѣе тогда вы вѣрно согласитесь со мной. Тамъ не только люди стараются обманывать такихъ-же смертныхъ, какъ и они, но даже самыя вещи, предметы, какъ извѣстно, неодушевленные, и тѣ одушевляются, и тѣ смотрятъ не тѣмъ, что есть, и такъ нахально лѣзутъ въ вашъ карманъ за деньгами, какъ будто-бы въ свой собственный. Въ лавкѣ подержанную вещь вамъ продадутъ за новую и возьмутъ съ васъ вдвое, а здѣсь новую продадутъ за подержанную и за

это удовольствіе возмуть съ васъ въ четверо. Если-бы я вздумалъ описывать все, чѣмъ изобилуетъ Сухаревка въ день воскресный—едвали-бы достало моей жизни для составленія такого преисъ-куранта, не смотря на то, что я еще въ цвѣтущей молодости и умирать не собираюсь.

Павель Павлычъ уже четвертый разъ проходилъ по рынку взадъ и впередъ и четвертый разъ спотыкался на разостланную двойную перину, приговаривая: тфу ты проклятая! опять споткнулся и какой дуракъ тебя тутъ бросилъ; цыганской таборъ здѣсь, что-ли? Въ это время онъ успѣлъ кой-что и купить; въ одной рукѣ у него была экономическая лампочка накладного серебра, купленная за 3 четвертака а въ другой—большой янтарный мундштукъ, курительница, на манеръ помпейской и чайное ситечко, изъ золота, неизвѣстно какого достоинства, но только блескомъ своимъ далеко превосходящаго 94 ю пробу.

Павель Павлычъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою движущуюся кучу. Кучу эту изображала баба, въ синей, нанковой шубкѣ, на бѣлицемъ мѣху сверхъ чернаго платка съ сѣрыми букетами по угламъ которымъ повязана

была ея голова, надѣто было двѣ женскихъ шляпки одна на другой; на плечахъ висѣли съ одной стороны кучерской кафтанъ и рубаха, а съ другой коверъ и нагольный тулупъ; въ лѣвой рукѣ она держала кругленькой столикъ на одной ножкѣ и кisetъ, а въ правой валеные сапоги и масленицу, изображающую бѣлую корову въ лежачемъ положеніи, съ отбитыми рогами и немного попорченнымъ хвостомъ. Долго Павелъ Павлычъ никакъ не могъ разобрать, что это такое; наконецъ, разглядѣвъ бабу, онъ не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться и пошелъ дальше.—Озорникъ этакой! зубоскаль! что нашель смѣшнаго? слышалось за нимъ изъ кучи.

— Не прикажете-ли чего изъ рѣдкостей?

— И Павелъ Павлычъ остановился передъ столомъ, на которомъ разбросано было нѣсколько мѣдныхъ монетъ, двѣ медали—одна дворянская, а другая за турецкую компанію; кружка, похожая на лазаретную кинжалъ безъ оправы и маленькое зеркальцо, оклеенное красной бумажкой, въ которое, по словамъ продавца, смотрѣлся князь Пожарскій, когда шелъ на Москву. Павелъ Павлычъ сталъ перебирать монеты. Въ это время онъ вспомнилъ о Кирилѣ Кузмичѣ и тотчасъ-же сторговалъ восемь пятаковъ времени

Павла I и заплатилъ за нихъ по двугривенному.

— А это какія? спросилъ онъ, указывая на двѣ мѣдныя копейки,

— Это съ—одна Марфы Посадницы, а другая Мамаевская; монеты, доложу вамъ, очень древнія. Теперь ихъ нигдѣ нельзя достать, на охотника—дадутъ большія деньги.

Павелъ Павлычъ ихъ купилъ по рублю серебромъ за штуку.

— Баринъ, пожалуйста сюда, шепнулъ какой-то мастеровой въ затрапезномъ халатѣ, подозрительно оглядываясь кругомъ и тщательно скрывая лѣвую руку подъ полой. Пожалуйста въ сторонку, гдѣ поменьше народу, продолжалъ онъ, я вамъ покажу рѣдкостную вещь и дешево-бы отдалъ.

Вѣрно, какая нибудь темная, подумалъ Павелъ Павлычъ и послѣдовалъ за затрапезнымъ халатомъ. Когда они отошли далеко въ сторону, халатъ снова осмотрѣлся и высунувъ изъ подъполы руку, показалъ золотые часы съ цѣпочкой и кольцо, которые тотчасъ-же опять спрятавъ, прибавивъ: 25 рублей серебромъ за все.—Павелъ Павлычъ посулилъ 15, халатъ отвернулся. Въ это время къ нему подошелъ какой-

то баринъ въ енотовой шубѣ и отрывисто спросилъ: ну, что-жъ, отдаешь за 22 рубля? Никакъ нѣтъ-съ, себѣ дороже, отвѣтилъ халатъ и снова приблизился къ Павлу Павлычу, которому очень понравились и часы, и цѣпочка: ну, сказалъ онъ, я дамъ, что даютъ 22.

— Да мнѣ въ магазинъ больше дадутъ, произнесъ халатъ и снова отвернулся, а баринъ въ шубѣ снова подошелъ къ нему. Такую вещь жаль упустить, подумалъ Павелъ Павлычъ: въ лавкахъ и на 50 не купишь. — Послушай эй! прибавилъ онъ, обращаясь къ холату; ну, уступи хоть что нибудь.

— Ей Богу не могу-съ; вѣдь этотъ баринъ 24 даетъ, и онъ указалъ на енотовую шубу.

— Ну, ну, такъ и быть; получай деньги; да смотри, золото-ли это.

— Что вы, сударь? да развѣ мѣдь такая бываетъ; тутъ и клеймо есть, только пожалуйста, не извольте при людяхъ разсматривать. Кто-жъ ихъ знаетъ можетъ статься.... дѣло темное. Темное, подумалъ Павелъ Павлычъ: я и безъ тебя знаю, что темное, и, заплативъ деньги, Павелъ Павлычъ обошелъ площадь еще разъ и пробрался домой. Тутъ ему показалось, что енотовая шуба и затрапезный халатъ вмѣстѣ во-

шли въ трактиръ. Видно еще что-нибудь, продаетъ сказалъ онъ самъ себѣ и повхалъ въ гостиницу, весьма довольный собой и покупками.

— Что, вчерашній баринъ еще не былъ? спросилъ Павелъ Павлычъ у Ильюшки.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Теперь долженъ-быть скоро Ильюшка! посмотри-ка, что я купилъ, и Павелъ Павлычъ началъ разставлять и разскидывать по столу свои покупки.

— Вещи хорошія и часы богатѣйшія; чай сотни двѣ на все потратили.

— Павелъ Павлычъ самодовольно улыбнулся — и сорока цѣлковыхъ не вышло.

— Экая дешевизна! поди-ка купи у насъ въ городъ, да еще, пожалуй и не найдешь такихъ штукъ.

— Жидъ Янька сто рублей дастъ. Какъ ты думаешь? спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Еще-бы не дать; слова не скажетъ, вѣдь это золото; а проклятый жидъ за золото удавится, дѣло извѣстное. А за чѣмъ же это пятаки-то, сударь?

— Ты дуракъ, не понимаешь Здѣсь есть такіе охотники, что за каждый пятакъ дадутъ по золотому.

— Ахъ ты, Господи! подумаешь, чѣмъ только люди-то не занимаются?

— Вотъ-бы, сударь, вамъ сегодня съѣздить въ театръ; представленіе хорошее, сказалъ Николай, войдя въ номеръ Павла Павлыча съ кушаньемъ.

— А какое? спросилъ Мурашкинъ.

— Аскольдову могилу-съ играютъ.

— Ну, что-жъ, хорошо; пожалуй, поѣду; я слыхалъ и покойница тетушка эту могилу хвалила; она часто въ театрахъ бывала.

— Тутъ есть очень занимательные сюжеты. Я самъ имѣлъ счастье раза два видѣть пѣніе, можно сказать, первый сортъ.

Павелъ Павлычъ приказалъ Ильюшкѣ олять приготовить свою нѣмецкую пару, но уже не ложился отдыхать, а все поджидалъ вчерашняго барина, и когда пробилъ шесть часовъ, Павелъ Павлычъ одѣлся, строго наказавъ Ильюшкѣ не дѣлать изъ номера ни шагу, и когда пріѣдетъ Ковыркинъ, сказать ему, что баринъ поѣхалъ въ театръ и просить его подождать немного.

Когда Павелъ Павлычъ пріѣхалъ въ театръ и купивъ за гривенникъ афишку подошелъ къ кассѣ, чтобы взять билетъ,—ему объявили рѣшительно, что билетовъ на сегодняшнее пред-

ставленіе нѣтъ ни на какое мѣсто, присовокупивъ: не угодно-ли будетъ взять на завтрашній день,—пойдетъ «Нѣмецкій Булочникъ»; но Павелъ Павлычъ отказался смотрѣть «Нѣмецкаго Булочника»; еще, пожалуй, будутъ говорить по-нѣмецки, думалъ онъ, а я что понимаю, только даромъ деньги отдамъ!

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю; ужъ я лучше въ другой разъ пріѣду пораньше, сказалъ онъ громко и отошелъ отъ кассы.

— Не угодно-ли будетъ взять у меня креслицы, сказалъ какой-то человѣкъ въ дубленкѣ, подойдя къ Павлу Павлычу.

— А вы кто?

— Я — господскій человѣкъ, баринъ взялъ билетъ, да его задержали гости, онъ и изволимъ послать смотрѣть меня, а наше дѣло, сами изволите знать, по театральной части не интересное, лучше съ пріятелями чайку выпить. Я дешево-бы продалъ.

— А за сколько?

— Да казенная цѣна полтора рубля; пятиалтынничекъ прибавите—я и отдамъ.

— Разсчетъ не великъ, подумалъ Павелъ Павлычъ; по-крайней мѣрѣ не даромъ проѣздилъ—и онъ, прибавивъ къ казенной цѣнѣ пятиалтын-

ный, взялъ билетъ и отправился за добрыми людьми искать своего мѣста, гдѣ и помѣстился; но тутъ съ Павломъ Павлычемъ случилась маленькая непріятность. Въ половинѣ перваго акта, когда онъ только что было разохотился смотрѣть, начиная входить во вкусъ, въ партеръ вошелъ какой то полковникъ, въ сопровожденіи того самого капельдинера, который указалъ кресло и Павлу Павлычу.— Вашъ билетъ? спросилъ онъ у Павла Павлыча. Мурашкинъ растерялся и едва отыскавъ билетъ въ карманъ своего фрака подалъ его капельдинеру.

— Это мой билетъ, произнесъ полковникъ улыбаясь, я его потерялъ; онъ взятъ на мое имя, и моя фамилія записана въ кассѣ.

— Но я-съ заплатилъ деньги, выговорилъ Павелъ Павлычъ, запинаясь; я ей-Богу не виновать.

— Я нисколько и не виню васъ. Вы, вѣрно, у кого-нибудь перекупили. Позвольте, извините—полковникъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ садиться на мѣсто, занятое Павломъ Павлычемъ.

— Пожалуйте со мною въ кассу, сказалъ капельдинеръ; тамъ дѣло это разберутъ.— Павелъ Павлычъ повиновался, и спустивъ глаза какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ прес-

тупленія, слѣдовалъ за капельдинеромъ. Ему даже послышалось, что проходя мимо послѣдняго ряда кресель, кто-то сказалъ довольно громко: — должно быть какой-нибудь мошенникъ.

— Что это? спросилъ квартальный, когда они вышли въ корридоръ.

— Ничего-съ; въ кассу веду, съ чужимъ билетомъ зашли.

Въ кассѣ дано было Павлу Павловичу изустное наставленіе, въ видѣ совѣта, въ другой разъ покупать билеты только въ кассѣ, а не у барышниковъ; въ противномъ случаѣ вы легко можете подвергнуться ответственности по законамъ, замѣтилъ какой-то господинъ, откладывая билеты ложъ, изъ которыхъ повиднѣе, въ сторону.

— Ну что? спросилъ тотъ-же квартальный у капельдинера, когда онъ возвращался съ Павломъ Павлычемъ изъ кассы.

— Приказано отпустить.

Вслѣдствіе этого приговора квартальный такъ поглядѣлъ на Павла Павлыча, что бѣдный Мурашинъ чуть-чуть не уѣхалъ безъ шубы.

Странно, думалъ Павелъ Павлычъ, подѣзжая къ гостинницѣ, очень странно, кажется и

столица, а все есть ухабы, хоть маленькіе, да все-таки есть ужъ видно безъ этого нельзя.

— А что, Ильюшка, вчерашній баринъ былъ?

— Никакъ нѣтъ, еще не бывали. Павелъ Павлычъ задумался.

— Что же, сударь, представленіе—то хорошее было? спросилъ Ильюшка.

— А тебѣ что за дѣло?

Ильюшка принялся чистить сапоги.

— Ильюшка?

— Чего изволите-съ.

— Ты хорошо узналъ Москву?

— А кто-жъ ее узнаеть-съ.

— Дуракъ! я тебя хочу послать съ письмомъ; найдешь?

— Отчего же не найти-съ; можно спросить.

— Ну такъ; если баринъ этотъ не придетъ завтра, я тебя къ нему пошлю.

— Слушаю-съ.

На другой день Павелъ Павлычъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и, тотчасъ же написавъ письмо къ Ковыркину, отдалъ его Ильюшкѣ, приказавъ отыскать непременно и къ 2-мъ часамъ быть дома, а самъ между-тѣмъ легъ на

диванъ и принялся разсматривать потолокъ; чувствуя въ себѣ небольшой ознобъ, онъ одѣлся тулупчикомъ изъ легкихъ барашковъ, и опять принялся разсматривать потолокъ. — Ну что, если этотъ Ковыркинъ меня обманулъ, думалъ Павелъ Павлычъ; вѣдь 500 рублей деньги. Да чѣмъ же онъ могъ меня обмануть? если онъ обманулъ меня, стало-быть онъ обманулъ и себя; вѣдь я же у него остался въ долгу, да и безъ росписки. Между-тѣмъ какъ домъ онъ указалъ и я самъ могу ѣхать торговать; да по правдѣ-то сказать, Ковыркинъ мнѣ теперь и не нуженъ. Я завтра же самъ поѣду къ этому барину, да и куплю. Правда, я поторопился отдать ему деньги; можно бы было и такъ... сказать придите денька черезъ два, а въ это время и купить, а послѣ.... Ну, да вдругъ на эти вещи пускаться, какъ то неловко, прежде надо оглядѣться, попривыкнуть, а потомъ ужъ и заняться кой-чѣмъ этакимъ... и Павелъ Павлычъ улыбнулся. Въ это время онъ почувствовалъ въ себѣ маленькій жаръ и сбросилъ съ себя тулупчикъ.—Кто-то постучался въ двери.

— Кто тамъ? спросилъ Павелъ Павлычъ, вставая съ дивана.

— Это я, Павелъ Павлычъ, — послышался

голосъ отставнаго поручика. Поѣдемте обѣдать въ клубъ? ужъ четвертый часъ... Поѣдемте, посмотрите, какъ насъ накормятъ,—объяденье! вамъ непременно надо попробовать клубской кулебяки.

Павелъ Павлычъ отперъ дверь.—Право не-знаю, сказалъ онъ, что-то не можется, такъ, не по себѣ.

— Полноте; и Побѣдкинъ просить васъ опять его записать, а мы съ него за это выпьемъ бутылочку: онъ славный человѣкъ.

— Право не хочется; притомъ же мнѣ нужно подождать Ильюшку; я его послалъ съ письмомъ по очень важному дѣлу; еще можетъ быть, и самому придется ѣхать. Экой разбойникъ! четвертый часъ, а его все нѣтъ, прибавилъ Павелъ Павлычъ.

— Что у васъ тамъ такое, за важное дѣло, съѣздить можно и завтра... удружите,—одѣвайтесь!

Павелъ Павлычъ не могъ устоять противъ неотвязчиваго поручика и началъ собираться.

Въ клубъ онъ пробылъ не долго; все что-то его беспокоило, и ему хотѣлось поскорѣй вернуться домой и узнать—какой отвѣтъ принесъ Ильюшка. Отобѣдавъ и распивъ бутылочку за-

мороженнаго на счетъ Побѣдкина, который въ весьма вѣжливыхъ словахъ выразилъ свою благодарность Мурашкину за то, что тотъ его записалъ, Павелъ Павлычъ обошелъ залы и постоявъ минутъ съ 5 у стола, за который сѣли Побѣдкинъ и отставной поручикъ играть, уѣхалъ домой.

— Ну что? спросилъ онъ дремавшаго въ корридорѣ Ильюшку.

— Въ 4-хъ кварталахъ былъ, — такого дома, какъ вы изволили написать, нигдѣ нѣтъ, — отвѣчалъ Ильюшка, протирая глаза.

— Тебя куда ни пошли — ничего не съумѣешь сдѣлать; дуракъ — такъ дуракъ и есть; а переулокъ нашолъ?

— Переулокъ — то какъ не найди, нашелъ съ.

— Куда же дѣвался домъ-то?

— А кто жъ его знаетъ, куда онъ дѣвался; въ кварталъ, говорятъ, его никогда и не было; другіе всѣ тамъ есть — разные и каменные есть.

— А вотъ если я завтра поѣду самъ, да найду — такъ ты у меня смотри!

— Воля ваша, сударь, развѣ въ другомъ мѣстѣ, а тамъ нѣтъ; да и переулокъ — то весь не Богъ знаетъ какой.

Ночь Павелъ Павлычъ провелъ очень дурно,

даже нѣсколько разъ вскрикивалъ, вслѣдствіе какого-то щекотанія невидимой руки по его затылку. Поутру онъ хотѣлъ открыться отставному поручику во всемъ и просить его совѣта; но отставной поручикъ, возвратившись въ 6 часовъ утра изъ клуба, не приказалъ никому себя беспокоить. И потому Павелъ Павлычъ отправился на поиски, не получивъ ни отъ кого совѣта. Нѣсколько разъ онъ прошелъ по небольшому кривому переулку, по обѣимъ его сторонамъ, и нѣсколько разъ останавливался у воротъ cadaго дома, прочитывая фамиліи ихъ владѣльцевъ, но нигдѣ не прочиталъ той, которая ему была нужна. Наконецъ онъ рѣшился заходить въ дома и спрашивать у живущихъ— не знаетъ-ли кто Ордадьона Степанова Ковыркина;—и съ одной стороны переулка побывалъ уже во всѣхъ, и вездѣ ему отвѣчали—а такого здѣсь нѣтъ». Онъ перешелъ на другую сторону.

— Да вы кого ищете? спросилъ дворникъ большаго каменнаго дома, разгребая въ воротахъ снѣгъ. Павелъ Павлычъ несказанно обрадовался, видя такое участіе.

— Ордадьона Степаныча Ковыркина, сказалъ онъ; не знаешь-ли, любезный, въ чьемъ домѣ?

— Ковыркинъ, — повторилъ въ раздумьѣ дворникъ, — гдѣ жъ бы это? Да онъ какой изъ себя?—спросилъ онъ обращаясь къ Павлу Павлычу. — Такой высокій плотный?

— Да, да, отвѣчалъ Павелъ Павлычъ — и надежда отыскать Ковыркина блеснула передъ нимъ.

— Онъ по-нѣмецки, что-ли, ходитъ?

— Да, по-нѣмецки, въ сюртукъ.

— Такого не знаю; есть тутъ одинъ Морковкинъ, да тотъ ходитъ по-русски, замѣтилъ дворникъ, и снова принялся за работу, прибавивъ—спросите дальше.

Павелъ Павлычъ какъ-будто въ яму свалился.— Какъ все шло хорошо, думалъ онъ, и примѣтами оказался сходень—и вдругъ, вмѣсто Ковыркина, Морковкинъ,—пойдемъ дальше.

— Позвольте узнать, спросилъ Павелъ Павлычъ, отворяя дверь, — не здѣсь ли живетъ Ордадьонъ Степанычъ Ковыркинъ?

— Затворяй дверь-то; дверь-то затворяй; теперь не лѣто, — раздавался на встрѣчу Павлу Павлычу грубый голосъ какой-то старухи.

Павелъ Павлычъ поторопился войти, и, извиняясь повторилъ вопросъ.

— Какого тебѣ Ковыркина? кто онъ такой?

Павелъ Павлычъ молчалъ. А я-то почему знаю, думалъ онъ,—кто онъ такой.

— Да какъ тебѣ сказано; въ чьемъ домѣ-то?

— Подлишаловой.

А это чей? Поди-ка прочти, или грамотѣ-то не знаешь?

— Нѣтъ, умѣю-съ, отвѣчалъ съ достоинствомъ Павелъ Павлычъ,—написано: Тюриной.

— Такъ какого жѣ ты здѣсь Ковыркина ищешь?

Я такъ только спросилъ.

— Проваливай ко добро, проваливай! у меня ни чѣмъ не поживишься; знаемъ мы васъ, — говорила сердитая старуха, провожая Павла Павлыча и крѣпко хлопнула за нимъ дверью.

Павелъ Павлычъ вышелъ за ворота, не всѣмъ въ пріятномъ расположеніи духа. Да ужъ Кривой-ли это переулокъ? подумалъ онъ; не ошибся ли я?—И Павелъ Павлычъ обратился съ слѣдующимъ вопросомъ къ какой-то женщинѣ, проходившей въ это время мимо его съ коромысломъ на плечѣ:—Послушай, милая, это Кривой переулокъ?

—Кривой, отвѣчала та не останавливаясь.

—А нѣтъ ли гдѣ здѣсь еще Криваго переулка?

— Кто жѣ его знаетъ; здѣсь, почитай, всѣ

переулки кривые, — и коромысло скрылось за уголъ.

Получивъ такой неудовлетворительный отвѣтъ, Павелъ Павлычъ рѣшительно сталъ въ тупикъ.

—Ну! сказалъ онъ громко; была не была, не нужно, все равно, къ черту Ковыркина! безъ него обойдемся. Взялъ извозчика и поѣхалъ. Черезъ полчаса онъ былъ у того самого дома, который намѣревался купить. У воротъ не было ни кого, а старичокъ съ окладистой бородой сидѣлъ по прежнему на скамеечкѣ, возлѣ рыбной лавки. Павелъ Павлычъ подошелъ къ нему.

—Позвольте узнать,—сказалъ онъ, гдѣ могу я найти хозяина здѣшняго дома?

Старикъ всталъ. А что вамъ, сударь, угодно? хозяинъ я самый.

Если бы Павелъ Павлычъ обжегся горячими щами, которые онъ такъ любилъ, вѣрно бы скорѣе справился, нежели послѣ такого отвѣта.

—Что жъ вамъ угодно? повторилъ старикъ, не замѣчая смущенія Мурашкина, квартирку, что ли? Есть недорогая.

—Я васъ спрашиваю—гдѣ хозяинъ? повторилъ Павелъ Павлычъ съ отчаяніемъ.

—Да вѣдь я вамъ, кажется по-русски отвѣчаю, что— я хозинъ.

—Стало быть вы ужъ купили этотъ домъ у г. Дроздова?

— У какого г. Дроздова? Я самъ купецъ Дроздовъ и ужъ лѣтъ пять, какъ владѣю этимъ домомъ. Да позвольте узнать—что же вамъ-то угодно?

Павелъ Павлычъ не отвѣчалъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, приговаривая: стало быть... 500 рублей... мошенникъ... обманулъ!

Добрый старикъ свелъ его въ лавку, посадилъ на стулъ и съ участіемъ просилъ сказать: въ чемъ дѣло. Павелъ Павлычъ выпилъ воды, немного успокоился и разсказалъ случившееся съ нимъ, прося совѣта. Когда онъ кончилъ, купецъ вздохнулъ, покачалъ головою, погладилъ свою съдую бороду и не сказалъ ни слова.

—Что же мнѣ теперь дѣлать? спросилъ снова Павелъ Павлычъ.

—Вотъ что, сказалъ старикъ: отыскать этого мошенника трудно и деньги ваши пропали. Мой совѣтъ: поѣзжайте—ка вы поскорѣй, откуда пріѣхали—въ деревню, да и живите, чѣмъ Богъ благословилъ. Деньги нажить вездѣ можно; я самъ вотъ теперь, слава Богу, купцомъ сталъ и капиталецъ есть; а все отчего!—оттого, что за чужое-то дѣло никогда не брался. По наше-

му вотъ какъ: мужикъ, такъ мужикъ, купецъ, такъ купецъ, а баринъ, такъ баринъ—и будь бариномъ.

Послѣ такого мудраго совѣта Павелъ Павлычъ не долго оставался въ лавкѣ и поѣхалъ домой, съ твердымъ намѣреніемъ попытать счастья на остальныя деньги. Павелъ Павлычъ былъ упрямъ... Проезжая по какой-то улицѣ, онъ замѣтилъ казака съ книжкой подъ мышкой; въ рукахъ у него была веревочка, на которой онъ вель рядомъ съ собою какого-то человѣка, весьма гладко остриженнаго, и лицо этого человѣка показалось Павлу Павлычу не совсѣмъ незнакомымъ: какъ будто бы онъ его гдѣ-то видѣлъ. И дѣйствительно, надѣнь на него вмѣсто сѣраго кафтана казинетовый сюртукъ, да отпусти длинные волосы и Павелъ Павлычъ первый бы закричалъ: а! Ордадьонъ Ковыркинъ!—Но Павелъ Павлычъ былъ вообще человѣкъ очень жалостливый, и потому, поравнявшись съ казакъ, онъ отвернулся въ другую сторону и что-то подумавъ — вздохнулъ, но все-таки не перемѣнилъ своего намѣренія остаться въ Москвѣ.

Павелъ Павлычъ возвратился домой весьма смущенный. Внутри его происходило сильное боре-ніе; онъ даже совѣстился признаться Ильюшкѣ

въ томъ несчастіи, котораго онъ былъ жертвою и весьма опасался, что Ильюшка самъ догадается или узнаеть и станетъ рассказывать всѣмъ; напишетъ къ Максиму Ивановичу, Марья Ивановнѣ, та разблаговѣститъ попадѣвъ, а та... всему уѣзду — исправнику, судѣвъ, засѣдателю — и пойдетъ, и пойдетъ на всю губернію...

Но Ильюшка, повидимому, ничего такого не подозрѣвалъ, онъ только видѣлъ, что баринъ его былъ сердитъ, и потому старался уклоняться отъ всякаго съ нимъ разговора, потомъ подумавъ:—вѣдь и за это, пожалуй, достанется—рѣшился доложить:

— Безъ васъ, сударь, сказалъ онъ, не показываясь въ чистую комнату. Кизляркинъ раза три заходилъ сюда; имъ желательно васъ видѣть; приказали сказать—есть какое-то дѣло...

— Такъ и есть—узналъ, непременно узналъ; да теперь всѣ знаютъ, подумалъ смущенный Павелъ Павлычъ.

— Чего жъ ты до-сихъ-поръ молчалъ; пошелъ скорѣй, скажи, что я пріѣхалъ, а самъ не входи сюда, побудь въ корридорѣ; мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

— Слушаю-съ—и Ильюшка вышелъ.

Любопытно знать; кто ему сказалъ,—думалъ

Павелъ Павлычъ. Какъ это такъ скоро все узнается, точно бѣсъ какой всѣхъ повѣстилъ. — Въ это время вошелъ Кизляркинъ; онъ сухо поклонился Павлу Павлычу.

— Извините, сказалъ онъ; со мной случилась маленькая неприятность: но я надѣюсь что вы, какъ благородный человѣкъ, не захотите себя компрометировать и заплатите за вашего гостя по клубу; Г. Побѣдкинъ вчера проигралъ мнѣ и обѣщаль отдать сегодня. Сегодня я къ нему прѣзжаю, а онъ уѣхалъ въ деревню; вамъ извѣстны правила клуба: членъ, записавшій гостя, за него отвѣчаетъ. Впрочемъ, я соблюлъ съ своей стороны все, что слѣдовало. Побѣдкинъ записанъ въ книгу — и вы можете записать его на черную доску.

Павелъ Павлычъ слушалъ и не понималъ.

— Вамъ угодно будетъ заплатить мнѣ за г. Побѣдкина? повторилъ Кизляркинъ.

— Но я, вѣдь, вамъ извѣстно, въ карты не играю, проговорилъ наконецъ Павелъ Павлычъ, совершенно безсознательно.

— Это все-равно: вы его записали и обязаны за него заплатить, тѣмъ-болѣе, что сумма небольшая, всего 1,895 рублей.

— Серебромъ? вскрикнулъ Павелъ Павлычъ — и отступилъ назадъ.

— Натурально серебромъ.

— Помилуйте это, — капиталъ...

— Что вы! какой же это капиталъ, бездѣлица! двухмѣсячный доходъ порядочнаго человѣка, — не болѣе того.

— Воля ваша; заплатить такую сумму я не въ состояніи, да и не считаю себя обязаннымъ, сказалъ рѣшительно Павелъ Павлычъ.

— Стало-быть я вынужденнымъ найдусь прибѣгнуть къ другому средству, отъ котораго, признаться, вамъ не совсѣмъ будетъ пріятно. Такъ вы рѣшительно отказываетесь платить за вашего гостя по клубу? спросилъ Кизляркинъ такимъ тономъ, что Павелъ Павлычъ сдѣлалъ еще шагъ назадъ.

— Я васъ спрашиваю, слышите-ли, въ послѣдній разъ? — Павелъ Павлычъ упорно молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ, извините, если полиція васъ задержитъ и принудитъ расчитаться со мною, и Кизляркинъ, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ номера съ видомъ человѣка, рѣшившагося на что-то не совсѣмъ хорошее, въ отношеніи Мурашкина.

— Боже мой, Боже мой! завопилъ Павелъ Павлычъ, закрывъ лицо руками и опускаясь на любимый свой стулъ съ ямкой, что-же это со мной будетъ? Отдай ему почти 2,000 рублей—за что? да и откуда я ихъ возьму? Хоть-бы самъ проигралъ, по крайней-мѣрѣ, сердце бы не болѣло, а то я даже не видалъ, какъ ихъ и проигрывали-то... А что будетъ, если я не заплачу—и сейчасъ-же уѣду въ деревню? Но развѣ въ деревнѣ меня не найдутъ? Для чего-же nibудь у меня брали мой видъ; стало-быть имъ извѣстно—кто я такой, и гдѣ проживаю? Пожалуй, отнесутся въ нашъ уѣздъ, тогда еще хуже; всѣ сосѣди на смѣхъ подымутъ, житья не додутъ, а денежки все-таки отдай... Ха, ха, ха! и Павелъ Павлычъ, опустивъ голову, хохоталъ какъ безумный.

Въ это время въ нумеръ опять вошелъ Кизляркинъ и, обращаясь къ Мурашкину, произнесъ голосомъ, болѣе мягкимъ. — Послушайте, Павелъ Павлычъ! я немного погорячился съ вами; ну, да это не бѣда; между пріятелями еще и не то бываетъ. Вотъ что а вамъ хочу предложить: дѣйствительно отдать почти 2,000 вдругъ, трудно, и потому вы мнѣ заплатите теперь только половину, а въ остальныхъ да-

дите заемное письмо хоть на годъ, и мы разстанемся друзьями, безъ непріятностей. — Хорошъ другъ! подумалъ Павелъ Павлычъ. — А то согласитесь сами, продолжалъ Кизляркинъ, — въ какое грустное положеніе я буду поставленъ, если вы вынудите меня прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По истинѣ сказать: я отъ души полюбилъ васъ и чувствую къ вамъ какую-то симпатію.

— Покорно васъ благодарю, преговорилъ Павелъ Павлычъ; но я, право, не знаю... въ настоящее время я въ такомъ положеніи, что... такая сумма .. знаете...

— Полноте! какая это сумма, скажите, пожалуйста, ваше имѣніе заложено?

— Давно.

— Все?

— Рѣшительно.

— Ну, а хлѣбъ нынѣшняго года, конечно, еще не проданъ?

— Нѣтъ, еще вовсе не продавалъ, жду цѣнъ.

— Знаете-ли: я бы вамъ посоветовалъ его привезти сюда; посмотрите-ка какія здѣсь цѣны.

— Признаться вамъ сказать: я прежде самъ то же думалъ.

— Такъ за чѣмъ-же дѣло? Напишите старостѣ вашему приказъ, чтобы, съ полученіемъ сего, онъ немедленно привезъ сюда весь хлѣбъ — а тутъ ужъ мы распорядимся; я самъ вамъ отыщу покупателя честнѣйшаго; а то вѣдь здѣсь мошенники, только не догляди,—какъ разъ обмѣрятъ. А между-тѣмъ, знаете-ли что? вамъ-бы изъ гостинницы—то переѣхать на квартиру, — это будетъ много выгоднѣе. У меня есть для васъ на примѣтѣ флигелекъ у одной вдовушки, я самъ съ ней не знакомъ, но, знаете, много наслышанъ; прелюбезная барынька, у ней и дочка есть прехорошенькая, просто *superfaiite*... и Кизляркинъ прищелкнулъ языкомъ. Кто знаетъ, продолжалъ онъ, можетъ-быть и судьба къ тому ведетъ, — понимаете?... А не худое дѣло, если бы достался вамъ этотъ кусочекъ; въ приданое 10 тысячъ годоваго дохода и мать не прочь ее выдать, лишь-бы былъ хорошій человекъ. Ну, да объ этомъ послѣ; теперь пишите къ старостѣ приказъ, да на счетъ заемнаго-то письмаца, а другую половинку позвольте получить теперь. Право и для васъ будетъ спокойнѣе!..

На этотъ разъ Павелъ Павлычъ только прищурился и даже улыбнулся, потомъ досталъ

бумажникъ, вынулъ изъ него 600 рублей и, вручая ихъ Кизляркину, проговорилъ: теперь извините; больше отдать никакъ не могу; привезутъ хлѣбъ: — я съ вами окончательно разсчитаюсь; а между тѣмъ въ остальныхъ завтра вы получите отъ меня заемное письмо. Только позвольте васъ попросить объ одномъ: дѣйствительно жизнь въ гостинницѣ мнѣ дорого обойдется, и я — охотно принялъ-бы квартиру, о которой вы сейчасъ говорили.

— Такъ-чтожъ? за чѣмъ дѣло? Я дамъ вамъ адресъ,—и Кизляркинъ, написавъ адресъ вдовушки, весьма любезно простился съ Мурашкинымъ до завтрашняго дня и, пожелавъ ему успѣха,—вышелъ

Еще не все потеряно,—думалъ Павелъ Павлычъ, оставшись одинъ.—Илюшка! крикнулъ онъ,—проворнѣй извозчика, лихача съ полостью!

Отличительныя черты характера Павла Павлыча были: необыкновенная самоувѣренность въ собственныя достоинства; онъ былъ чрезвычайно какъ скоръ и рѣшителенъ на все, считая себя если не лучше, то ни въ какомъ случаѣ не хуже кого-либо. Онъ при каждомъ задуманномъ имъ новомъ предпріятіи, заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхъ, потому только, что

видѣлъ примѣръ, какъ тоже самое удавалось другимъ. Но обстоятельство, которое мы узнаемъ послѣ, скоро убѣдило бѣднаго Мурашкина въ томъ, что не все, легко достающееся одному,—безъ труда достается другому, и что есть на бѣломъ свѣтѣ люди, которые дѣйстви- тельно искусно обдѣлываютъ дѣла на чужой счетъ и ужъ никакъ «своего не потеряютъ».

Въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ, что сама судьба ему благопріятствуетъ; а примѣръ со- сѣда Б.... показалъ, что еще можно поправить дѣло. Вотъ хоть-бы напримѣръ Б.... года два тому назадъ приходилось просто,—кусать не- чего, а теперь живетъ припѣваючи. А какимъ образомъ это случилось? Очень просто: занялъ у кого-то деньжонокъ, да и маршъ въ Москву. Глядимъ: черезъ годъ пріѣхалъ съ хорошень- кой женой и помѣщикомъ 500 душъ. Чѣмъ же я хуже Б..? Развѣ я не могу сдѣлать тоже? Не- знаю только, чѣмъ лучше взять приданое—имѣні- емъ или деньгами?.. Конечно, деньгами... съ имѣніемъ много хлопотъ, да притомъ-же мнѣ и съ своимъ возиться надоѣло... То-ли дѣло чиста- ганчикъ!... примѣрно сказать—тысченокъ пол- тора ста... Впрочемъ при этомъ не мѣшаетъ и Подмосковную... такъ... не большую...— и

право было-бы съ меня.... больше не надо.... Ужъ тото бы пожилъ.... И онъ сталъ составлять планъ будущей жизни. Лѣто, разумѣется, я буду жить въ деревнѣ, только не знаю въ чьей лучше: въ моей, или въ жениной?... Нѣтъ, лучше въ своей; я какъ-то къ ней привыкъ.... Зиму въ Москвѣ. Квартиру буду имѣть годовую... или домъ купить? Я думаю это выгоднѣе, а то таскаться по квартирамъ—много хлопотъ... Домъ будетъ отдѣланъ въ послѣднемъ вкусѣ.... какая мебель.... зеркала.... бронза.... экипажъ.... лошади! .. И я иначе не буду ѣздить, какъ въ каретѣ... по баламъ, по собраніямъ.... Вездѣ нарочно буду давать жандармамъ на водку чтобы погромче кричали: «карету Мурашкина!» А жена?..

Быть можетъ еще долго-бы Павелъ Павлычъ рисовалъ себѣ блестящую будущность супружеской жизни, если бы камердинеръ Ильюшка не прервалъ восторга своего барина на самомъ интересномъ мѣстѣ, доложивъ ему: что извозчикъ готовъ. Павелъ Павлычъ отправился....

На одной изъ самыхъ длинныхъ улицъ Москвы стоитъ двухъ-этажный каменный домъ съ флигелемъ и палисадникомъ. Домъ этотъ при-

надлежитъ вдовѣ, коллежской совѣтницѣ Аксиньѣ Ивановнѣ Сониной. По наружности дома, на которую всегда невольно обратишь вниманіе можно было судить, что хозяйка его изъ порядочныхъ и живетъ не такъ какъ нѣкоторые, только для себя, а доставляетъ удовольствія и другимъ. Всегда отворенные ворота ясно выражаютъ готовность ея принимать гостей во всякое время, а широкій дворъ, изрѣзанный пологьями саней, можетъ служить доказательствомъ что гостямъ должно быть очень пріятно посѣщать Аксинью Ивановну,—и они нерѣдко ѣздить сюда. По вечерамъ вы увидите въ окнахъ, сквозь кисейныя драпри и занавѣски, и круглыя шляпы, и султаны, и каски, и дамскія шляпки, и гасовые шарфики—услышите фортепіано, и по нѣкоторой системѣ въ движеніи гостей, вы угадаете, что тутъ танцуютъ. Не балъ, а такъ, что называется—вечеринка за-просто. Подобныя вечеринки у Аксиньи Ивановны бываютъ не рѣдко и продолжаются иногда часу до третьяго. По всему этому вы можете судить, что Аксинья Ивановна живетъ порядочно, и должно быть у ней есть кто-нибудь, для кого все это дѣлается... Вы не ошиблись; у ней дочька на возрастъ; а у кого есть

дочки, тотъ хочешъ—не хочешъ,—живи для нихъ какъ слѣдуетъ. Не такой товаръ, чтобы прятать,—показывай всѣмъ, пока свѣжъ, а то залежится.—не скоро сбудешь... Окна флигеля большую часть года были закрыты зелеными ставнями, а на простенкѣ была прибита бумажка съ надписью: въ семъ домѣ отдается флигель со всѣми принадлежностями. Но теперь ставни его были открыты, бумажка сорвана, и вообще въ покояхъ замѣтна какая-то дѣятельность. Не мудрено,—кто нибудь нанялъ. Подобныя перемѣны въ Москвѣ очень обыкновенны; и дѣйствительно: по домовой книжкѣ хозяйки значится, что такого-то года, мѣсяца и числа, во флигель переѣхалъ помѣщикъ Н.. губерніи, Павелъ Павлычъ Мурашкинъ, съ крѣпостнымъ его человѣкомъ Ильей Емельяновымъ—и такъ, мы знаемъ теперь, кто живетъ во флигелѣ коллежской совѣтницы Сониной, и постарому знакомству съ помѣщикомъ, завернемъ къ нему на новую квартиру, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Хозяина не было дома, а Ильюшка въ передней чиститъ сапоги, приговаривая: у насъ и въ губернскомъ городѣ нѣтъ такой ваксы... Экая свѣтлая, чудная вакса!... Вдругъ дверь отворилась и вошла хозяйская дѣвушка,

— Голубчикъ! не бралъ-ли ты изъ кухни ведра?

— Ведро? Да на что мнѣ твое ведро?

— Я знаю, что не нужно; я такъ только спросила. А что, милый, богатъ твой баринъ?

— Не такъ, чтобы очень, а душъ шестьдесятъ наберется.

— У одного, или съ братьями?

— У него ни братьевъ ни сестеръ нѣтъ; одинъ, какъ перстъ, — отвѣчалъ Ильюшка, продолжая свою работу.

— А мать съ отцемъ живы?

— Давнымъ-давно нѣтъ; онъ ихъ и не помнитъ.

— А что, баринъ твой не хочетъ-ли жениться?

— Отчего-же и не женится.

— А на что онъ больше мѣтитъ: на богатство, или на красоту?

— Да; не мѣшало-бы и то и другое; впрочемъ, о красотѣ-то онъ не такъ хлопочетъ: былъ бы капитадецъ, (*либо души;*) это вѣрнѣе красоты, — а безъ того и не подумаетъ... Горничная хотѣла продолжать разговоръ, но въ это время на дворъ въѣхали парныя сани и съ нихъ соскочилъ Павелъ Павлычъ.

— Вотъ и баринъ прїѣхалъ, сказалъ Ильюшка, бросая чистить сапоги и отворяя дверь...

Говорливая служанка воспользовалась этимъ случаемъ, шмыгнула въ двери—и убралась во свояси.

— Ты, любезный, безъ меня гостей принимать изволишь? сказалъ баринъ, скидавая шубу.

— По вашему-же дѣлу, сударь. Эта голубка забѣжала спросить: не бралъ ли я изъ кухни ведра, да и разговорилась про васъ: богаты-ли вы? не хотите-ли жениться?

— Ну что-же ты?

— Я, сударь, все, какъ вы мнѣ изволили приказывать, такъ и говорилъ...

— Молодецъ, Ильюшка,—люблю! А что, хозяйка дома, незнаешь?

— Была дома-съ.

Надо сходить къ ней. Третій день живу, а еще дочки не видалъ; а она мнѣ про нее много говорила.

— Да, хороша, сударь, нечего сказать; вчера я ее видѣлъ подъ окномъ.

— Сей-часъ отправлюсь.

И черезъ четверть часа Павелъ Павлычъ сидѣлъ уже въ гостиной Аксиньи Ивановны и любезничалъ съ ея дочкою Анной Тихоновной,

которая дѣйствительно была очень мила. Пусть его любезничаютъ на здоровье, а мы не будемъ терять золотого времени.—Позвольте мнѣ познать васъ съ хозяйкой и ея очень милою дочкой. Это сдѣлать не трудно, тѣмъ болѣе, что вѣрно вамъ уже случалось встрѣчаться съ Аксиньей Ивановной и не одинъ разъ, если даже и не съ этой самой, то съ другими, а это все равно, потому что всѣ онѣ удивительно какъ схожи между собой: всѣ очень милы, любезны, внимательны и привѣтливы, особенно къ людямъ холостымъ, которые показываютъ видъ, что хотятъ жениться, и дѣлаютъ комплименты ихъ дочкамъ. Впрочемъ и на холостыхъ есть исключеніе: человекъ, который, по словамъ Аксиньи Ивановны, не можетъ составить счастья ея дочери, по какимъ-нибудь причинамъ, а болѣе всего—по недостаточному состоянію, не пользовался тѣмъ-же, чѣмъ другіе, и встрѣчаясь съ нимъ она не привѣтствовала его какъ тѣхъ: «вы совсѣмъ забыли насъ!» и, обращаясь къ дочкѣ, прибавляла: М-г N, у насъ скучно, а дочка, умильно взглянувъ на М-г N, вздыхала и будто хотѣла сказать: «Богъ съ вами! Ужъ кажется васъ-ли я не занимаю!» И несмотря на то, что

подобныя привѣтствія повторялись иногда нѣсколько разъ въ день и разнымъ лицамъ, Анна Тихоновна всегда съ одинаковымъ чувствомъ вздыхала и томными взорами каждому порознь говорила одно и то же. Съ людьми на которыхъ Аксиныя Ивановна «мѣтила», любимый предметъ разговора ея былъ—о воспитаніи дочери, о ея талантахъ и о состояніи, которое она даетъ за ней; когда-же люди благоразумные, повѣряя слова ея и узнавая стороной обо всемъ сказанномъ ею поподробнѣе, начинали рѣже посѣщать домъ Аксиныи Ивановны и менѣе искать въ прекрасной дочкѣ, тогда горе имъ; — Аксиныя Ивановна весь свой гнѣвъ за неудачу изливала на бѣдныхъ, называла ихъ нестоящими никакого вниманія: клеветала, рассказывала про нихъ небылицы, разумѣется съ невыгодной стороны, и заключала такъ: я всегда думала, что N дурной человекъ: вотъ и всѣ говорятъ то же (между-тѣмъ какъ про N никто ничего не говорилъ дурнаго, кромѣ нея); не даромъ мнѣ не хотѣлось принимать его у себя; да и съ чего онъ взялъ ухаживать за Аннушкой, ну пара-ли она ему!... и т. д.

Новое знакомство съ женихомъ достаточнымъ — для Аксиныи Ивановны было совершенный

кладъ. Теперь, разузнавъ все, что ей нужно было о Мурашкинѣ, черезъ вѣрную горничную, Аксиныя Ивановна, мигомъ смѣкнувъ дѣло, тутъ же рѣшила судьбу его, положивъ, во что-бы то ни стало,—женить на Аннушкѣ. Вотъ какова была Аксиныя Ивановна! И если вы хотите повѣрить меня во всемъ сказанномъ, мною, то прислушайтесь къ разговору ея съ любезнымъ гостемъ. Въ это время представивъ дочку Мурашкину и рассуждая съ нимъ о томъ, о другомъ, она не замѣтно перешла къ любимому своему предмету и, начавъ съ талантовъ дочки, толковала, что ей стоило воспитаніе ея, удивляясь—какъ люди безъ состоянія могутъ жить въ Москвѣ и наконецъ, что получая около 10 тысячъ годоваго дохода, она только-что можетъ доставить себѣ и дочери самое необходимое, находясь въ высшемъ кругу общества. Этого довольно было, чтобы вскружить голову провинціальному гостю.

Десять тысячъ годоваго дохода! подумалъ Павелъ Павлычъ,—«да этого-то мнѣ и нужно; это совершенный кладъ!» И онъ сталъ еще любезнѣе съ дочкой, а хозяйка еще внимательнѣе къ гостю. Когда-же матушка сказала, что если ей Богъ благословитъ выдать Аннушку за хо-

рошаго челоѡѡка, то она сей часъ бы все отдала ей—Павелъ Павлычъ былъ внѣ себя, и даже по возвращеніи домой — Аннушка и 10 тысячъ годоваго дохода не выходили у него изъ головы. Ильюшка было предложилъ ему свои услуги — отыскать сваху, но Павелъ Павлычъ рѣшительно отказался, говоря: « нѣтъ, любезный! ни одна твоя сваха не найдетъ такой невѣсты, какая у меня на примѣтъ; въ это время онъ подмигнулъ правымъ глазомъ на домъ хозяйки, прибавивъ:— и не далеко»!

Не даромъ называютъ Матушку Москву гостепріимной; нечего сказать—радушна и пріѡтлива старая хлѣбосолка, не то, что Петербургъ. Здѣсь только и слышишь; безъ церемоніи, запросто, во всякое время. — Такъ обыкновенно приглашаютъ всѣхъ и каждаго. Такъ приглашала хозяйка Павла Павлыча, который, разумѣется, пользовался приглашеніями тоже безъ церемоніи, тѣмъ-болѣе, что имѣлъ въ томъ свои виды: посѣщая часто Аксиныю Ивановну — онъ находилъ случай видѣть Анну Тихоновну; или лучше сказать, олицетворяемая ею 10 тысячъ годоваго дохода, на которыя онъ, уже не шутя, сталъ мѣтить, Анна Тихоновна тоже не церемонилась съ нимъ; показывала ему

свои таланты, играла на фортепiano, распѣвала разные романсы; а Аксиныя Ивановна въ это время всегда находила какой-нибудь предлогъ уходить (должно быть по хозяйству) и оставляла ихъ такимъ-образомъ, какъ говорится, глазъ-на-глазъ. Павелъ Павлычъ не терялъ удобнаго времени: когда поцѣлуетъ ручку у милой музыкантши, когда плечико, и Аннѣ Тихоновнѣ, повидимому, не были въ тягость подобныя нѣжности; напротивъ, она въ свою очередь пожимала руку Павла Павлыча и частенько надъ самымъ ухомъ его такъ вздыхала, что у бѣднаго Мурашкина—мурашки по кожѣ пробѣгали. Наконецъ Павелъ Павлычъ до того пришелъ въ восторгъ, что однажды, когда Анна Тихоновна пожала ему руку, соскочилъ съ своего мѣста, опрокинулъ стулъ, и, непомня себя напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на розовыхъ губкахъ красавицы. Но представьте его положеніе, когда, всѣдъ за пламеннымъ «чмокъ», раздалось позади: «Анна Тихоновна! Это что значитъ!»! Голосъ былъ Аксиныи Ивановны. Павелъ Павлычъ растерялся... Первая мысль, блеснувшая въ головѣ героя, была—провалиться сквозь землю; но развѣ это возможно? Между имъ и землей былъ прекрасный дубо-

вый полъ, а у ногъ—Анна Тихоновна лежала въ обморокъ. Долго не зналъ онъ, на что ему рѣшиться. Другой на его мѣстѣ, поопытнѣй,—сейчасъ бы нашолся—что дѣлать; но Павелъ Павлычъ—человѣкъ прямой, ему въ голову не приходило возможности поправить свою ошибку.

Въ это время Аксинья Ивановна, съ распростертыми къ небу руками и разинутымъ ртомъ, стояла передъ дерзкимъ; въ довершеніе картины изъ дверей выглядывала страшная человѣческая фигура, съ предлинными усами, къ которой Аксинья Ивановна оборотилась и, спустя нѣсколько минутъ молчанія, почти сквозь слезы сказала: «вотъ, любезный куманекъ, теперь вы сами свидѣтелемъ, до какой степени Павелъ Павлычъ употребляетъ во зло нашу къ нему довѣренность; видите, до чего довелъ онъ вашу крестницу — эту невинную жертву...» Усы зашевелились и грозно приближались къ Павлу Павлычу, который, видя въ первый разъ незнакомое лицо, съ физіономіей весьма недоброжелательной,—неволью отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, бормоча про себя: «Ей Богу я не виноватъ! сама Анна Тихоновна...» Затѣмъ онъ еще хотѣлъ что-то принести въ свое оправданіе; но незнакомецъ увлекъ его въ дру-

гую комнату, куда потомъ пришли и Аксинья Ивановна съ Анной Тихоновной. Долго они говорили тамъ, а о чемъ говорили?—неизвѣстно. Только Павелъ Павлычъ возвратился домой поздно и очень весель. Когда Ильюшка, раздѣвъ барича, вышелъ вонъ, — баринъ, потирая отъ удовольствія руки, говорилъ въ полголоса: Эхъ, подумаешь. Все дѣлается къ лучшему, ну, не видать бы мнѣ, какъ своихъ ушей, Аннеточку, а теперъ сами настаиваютъ, чтобъ я женился.... А! каково!.. Вотъ что значить умѣнье!... даромъ, что провинціалъ, а выкинулъ штуку... другому и столичному не удастся! Теперъ я вправѣ похвалиться, что не я искалъ въ нихъ, а они во мнѣ. Даромъ, что провинціалъ! Ха, ха, ха! А здѣшніе франтики, чай, тоже увивались около нея, да нѣтъ; шалите, голубчики. Мы—почище!»

На другой день была помолвка Павла Павлыча съ Анной Тихоновной, а на третій свадьба—и фигура съ предлинными усами была шаферомъ у Мурашкина. Невѣста вѣнчалась вся въ брильянтахъ. Балъ задали на славу!—А потомъ молодые тотчасъ-же уѣхали въ Тимшенскую деревню, въ которой Павелъ Павлычъ и по сіе время чахнетъ и дѣятельнѣе всѣхъ своихъ со-

сѣдей ведетъ переписку съ опекунскимъ совѣтомъ.

— Странное дѣло! Казалось-бы, отчего это ему чахнуть, спрашивалъ я судью, бывшаго начальника Павла Павлыча. Всѣ неудачи, которыя онъ имѣлъ, должны были загладиться выгодной женитьбой. Въдѣ 10 тысячъ годоваго дохода, согласитесь, развѣ это мало?

— Особенно на словахъ,—и очень недостаточно!—отвѣчалъ мнѣ судья; на дѣлѣ же оказалось у жены только 50 душъ въ Саратовской губерніи, и то послѣ смерти дяди, который прошлаго года женился и Богъ вѣсть когда умереть.

— А брильянты?

— Всѣ, до одного камушка, были взяты напрокатъ, и на другой же день возвращены ювелиру, подъ предлогомъ передѣлыванія.

— По крайней-мѣрѣ домъ!

— И того не дали! Мать только имъ и живетъ.

Понимаете? Въ Бѣлокаменной-то, видно, не то, что у насъ! На чужой каравай, ротъ не разѣвай!»